F 115/121

121

Сафаръ-бей,

владѣтель Абхазіи.

Историческая драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Изв. изъ ром. Д. Л. Мордовцева „Промет. пот."

С. М. Ашхацава.

Сухумъ,
Электро-моторная типографія „Сухумскаго Листка".
1912 г.

F 115
121

Сафаръ-бей,

владѣтель Абхазіи.

Историческая драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Изв. изъ ром. Д. Л. Мордовцева „Промет. пот."

С. М. Ашхацава.

49-1311

Библиотека ... им. В. И. Ленина ... Отдел ...

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-40902
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Сухумъ,
„Электро-моторная типографія „Сухумскаго Листка".
1912 г.

2007054428

Дѣйствующія лица:

Келишъ-бей, владѣтельный князь Абхазіи *(высокій, стройный старикъ, лѣтъ 60.)*

Баталъ-бей, сынъ Келишъ-бея, лѣтъ 15.

Сафаръ-бей, наслѣдный сынъ Келишъ-бея, 28 лѣтъ.

Манучаръ, князь изъ владѣтельской фамиліи „Шервашидзе", лѣтъ 40, средняго роста, полный.

Асланъ-бей, сынъ Келишъ-бея, лѣтъ 26, роста выше средняго, худой, смуглый, въ движеніяхъ рѣшительный.

Няня старуха.

Бежанъ, младшій братъ кн. Манучара.

Гр. Гудовичъ, Намѣстникъ Кавказа.

Малиевскій, главный чиновникъ канцеляріи гр. Гудовича.

Орбеліани, князь грузинскій въ чинѣ генерала.

Кучукъ-бей, владѣтель г. Поти, старикъ съ длинной бородой, въ турецкой одеждѣ, въ чалмѣ.

Эсма-Ханумъ, дочь Кучукъ-бея, красавица.

Дида, молочная сестра Асланъ-бея.

Два мичмана.

Старикъ.

Докторъ флотскій.

Княгиня, супруга Сафаръ-бея.

Димитрій, старшій сынъ Сафаръ-бея.

Священникъ, духовникъ Сафаръ-бея.

Морское и сухопутное войско и абхазская милиція.

Донтъ, капитанъ морского корпуса

Офицеръ пѣхотинецъ

Капитанъ милиціи-адъютантъ Орбеліани.

Дѣйствіе 1-е.

Первое явленіе.

Келишъ-бей, Баталъ-бей и часовой.

Дѣйствіе происходитъ въ лѣтней резиденціи владѣтельнаго князя Абхазіи Келишъ-бея, въ Соуксу *(Лыхны)*.

Келишъ-бей. Я радъ, что Асланъ-бей, наконецъ, исправился. Хвала Аллаху!

Баталъ-бей. Да, отецъ, онъ много причинилъ намъ горя своимъ неповиновеніемъ и злобой.

Келишъ-бей. Ну, мой милый Баталъ, забудемъ старое, пусть оно покроется пепломъ забвенія. Теперь я свободно могу управлять своимъ народомъ, не боясь нашествій кубанцевъ и турокъ. Въ союзѣ съ Россіей, Абхазіи не страшенъ и самъ падишахъ. Посмотри, какъ храбрые слуги бѣлаго Царя урѣзываютъ полы бешметовъ и въ Турціи, и въ Персіи. Я еще помню, когда Крымъ былъ подъ властью пятаго падишаха, а теперь Крымъ-баштанъ бѣлаго Царя. Изъ Крыма къ берегамъ дорогой нашей Абхазіи плывутъ корабль за кораблемъ, и уже на мачтахъ у нихъ не полумѣсяцъ треплется на полотнищахъ, оттуда глядитъ наша горная птица орелъ, да еще съ двумя головами.

Баталъ-бей (съ улыбкой). Да, отецъ, одну отрубишь—другая останется.

Келишъ-бей. Скоро, пожалуй, и Анапу, эта птица заклюетъ. Да, Поти, думаю, скоро прикроютъ урусы своей шапкой, а то, чего добраго, и нашъ Кучукъ-бей самъ протянетъ руку за этой шапкой, за желтыми круглянками. Вотъ у падишаха и съ этой стороны будутъ отрѣзаны полы бешмета. А Персія? Развѣ съ Бабыхана, повелителя Ирана, урусы не снимаютъ съ ногъ чувяки? Какъ ни реви его левъ, а съ двухголовой птицей ему не сравниться: она высоко летаетъ и смѣло смотритъ на солнце. А у бѣлаго Царя, говорятъ, и солнце никогда не заходитъ.

Баталъ-бей (съ удивленіемъ). Какъ такъ, отецъ, какъ не заходитъ солнце?

Келишъ-бей. Такъ и не заходитъ, мой милый Баталъ: у бѣлаго Царя столько земли, что когда онъ въ Петербургѣ ложится спать, то за Сибирью встаетъ уже солнце; тутъ одни вечерній намазъ творятъ, а тамъ другіе - утренній.

Баталъ-бей. Значитъ, у урусовъ и теперь день?

Келишъ-бей. У однихъ день, а у другихъ ночь. Теперь одни урусы видятъ мѣсяцъ, а другіе солнце.

Баталъ-бей [съ удивленіемъ]. Аллахъ, Аллахъ!

Келишъ-бей. Вотъ и Наполеонъ не могъ сдѣлать ничего бѣлому Царю. Пришелъ, постоялъ у порога его сакли, а черезъ порогъ не посмѣлъ переступить—двухголовая птица глаза бы ему выколола. *(Подзываетъ часового и спрашиваетъ)* Асланъ воротился?

Часовой. Воротился, ваша свѣтлость. (*Уходитъ*).

Баталъ-бей. Зачѣмъ Асланъ ѣздилъ въ Сухумъ, отецъ?

Келишъ-бей. Я посылалъ его за княземъ Бежаномъ.

Баталъ-бей. А развѣ онъ воротился изъ Мингреліи?

Келишъ-бей. Воротился, когда ты былъ въ Кодорѣ.

Баталъ-бей. А въ Поти, когда ты поплелись Кучукъ-бею и кого?

Келишъ-бей. Асланъ-бея съ Бежаномъ. Но отчего у нихъ кони не разсѣдланы? Ни одного нукера не видно. Куда они пропали? спятъ что ли? (*Баталъ встаетъ и идетъ черезъ парадную дверь на балконъ и только поровнялся съ окномъ, раздается выстрѣлъ. Онъ падаетъ мертвымъ; Келишъ-бей соскакиваетъ съ мѣста, поспѣшно направляется на балконъ*).

Келишъ-бей. Злодѣй! Кто здѣсь?

2-е явленіе

Асланъ-бей, Бежанъ, братья-сыновья Келишъ-бея.

(*Послѣдовалъ выстрѣлъ и Келишъ-бей падаетъ мертвымъ*).

Келишъ-бей (*простоналъ*) Аллахъ! Сынъ мой!

Асланъ-бей. Да, это я—сынъ твой! Только блудный сынъ! А вотъ тебѣ сыновній поцѣлуй! (*Асланъ съ Бежаномъ вскакиваютъ на сцену*).

Асланъ-бей. Гдѣ же они, братцы—змѣеныши любимчики?

Бежанъ. Должно быть въ другихъ покояхъ (*показываетъ пальцемъ на боковую дверь. Асланъ влетаетъ туда съ Бежаномъ.*

Въ это время на шумъ отъ выстрѣла прибѣгаютъ изъ своихъ покоевъ два брата; сыновья Келишъ-бея).

Братья. (*Безсвязное бормотанье*). Отецъ... братъ... О, Аллахъ, Аллахъ...

(Изъ другихъ дверей вбѣгаютъ Асланъ съ Бежаномъ).

Асланъ-Бей. Вотъ они гдѣ! Бей, Бежанъ! Докончимъ этихъ

змѣенышей—мстителей. (Два выстрѣла убиваютъ ихъ обоихъ).

Асланъ-Бей Теперь айда. Сдѣлано все, что нужно (убѣгаютъ. На мѣсто происшествія прибѣгаютъ люди съ крикомъ, шумомъ, плачемъ. Уносятъ убитыхъ въ ихъ покои, оттуда слышны плачъ и рыданіе. На сценѣ являются Манучаръ и Сафаръ-бей).

Явленіе 3.

Манучаръ. Сафаръ бей и няня.

Манучаръ. Ты что намѣренъ дѣлать, бѣдный Сафаръ-бей?

Сафаръ-бей. Я самъ не знаю, милый Манучаръ. Я совсѣмъ потерялъ голову.

Манучаръ. Помни, убійца не будетъ медлить, участь твоего отца ожидаетъ и тебя и все твое семейство.

Сафаръ-бей. Знаю... что же мнѣ дѣлать.

Манучаръ. Я слышалъ, что покойный отецъ твой, да будетъ священна его память, назначилъ тебя помимо Асланъ-бея, наслѣдникомъ и владѣтельнымъ княземъ Абхазіи.

Сафаръ-бей. Да меня.

Манучаръ. Гдѣ же духовное завѣщаніе?

Сафаръ-бей. Оно здѣсь, въ этомъ столѣ (показываетъ ящикъ стола)

Манучаръ. Хорошо... Надо тотчасъ же прочитать публично и показать собравшимся здѣсь князьямъ и дворянамъ и всѣмъ абхазцамъ это завѣщаніе. Я прочитаю его самъ на галлереѣ, а потомъ Мулла прочитаетъ въ мечети. Но этого мало. Асланъ-бей уже сносился тайно съ владѣтелемъ Поти Кучукъ-беемъ,— мнѣ эту тайну продали. Асланъ-бей заручится помощью Кучукъ-бея и турокъ и тогда мы всѣ пропали съ нашей бѣдной Абхазіей.

Сафаръ-бей. Что же намъ дѣлать, какъ спастись?

Манучаръ. Одно спасенье—Россія.

Сафаръ-бей. Мнѣ отецъ объ этомъ говорилъ.

Манучаръ. Нужно скорѣе приступить отъ слова къ дѣлу, нужно возможно скорѣе отправить просительную грамоту русскому Императору.

Сафаръ-бей. Позовите духовника, онъ напишетъ. (Манучаръ встаетъ, даетъ приказаніе часовому позвать духовника. Въ это время на сценѣ является старая няня Келишъ-бея, охая, стоная, ломая руки съ саблею, повѣшенной на шеѣ).

Няня. О, господинъ. Возьми саблю, руби мою старую голову. О,—о!.

Сафаръ-бей. Что съ тобою, Кана?

Няня. О, руби мою недостойную голову.

Манучаръ. (встаетъ и подходитъ къ ней). Да, что случилось, скажи толкомъ?

Няня. О, я потеряла мою проклятую голову... Когда господина моего и двухъ мальчиковъ не стало. О, всели ихъ Аллахъ, въ раю пророка и когда ихъ не стало, я потеряла голову... Да будетъ она проклята.

Сафаръ-бей. (нетерпѣливо останавливаетъ ее и спрашиваетъ). Ну что же?!

Няня. Я забыла, господинъ, опоясать домъ... О горе.

Манучаръ. Какъ опоясать домъ, зачѣмъ?

Няня. О, господинъ, ты вѣрно выросъ въ чужой странѣ, не знаешь, что домъ нужно было опоясать.

Манучаръ. Чѣмъ опоясать, для чего?

Няня. Тесьмою шелковою опоясать, господинъ. Это всегда надо дѣлать, чтобы ангелъ смерти не унесъ еще кого либо въ подземное царство.

Сафаръ-бей. (встревоженно). Что же еще развѣ кто нибудь умеръ?.

Няня. Хуже, господинъ. О—о...

Сафаръ-бей. Убитъ?!.

Няня. Хуже, господинъ, о—о, хуже... Твоя любимая сестра Роста Ханумъ наше сокровище, роза Абхазіи, жемчужина востока, наша Роста Ханумъ утонула.

Сафаръ-бей, Манучаръ. (вмѣстѣ воскликнули). Утонула?!

Няня Она услыхала о смерти отца въ замкѣ Илоры у Эхта-Ханума и какъ безумная поскакала сюда съ нукерами. О, Аллахъ, Аллахъ... Ея лошадь выбилась изъ силъ... Въ горахъ пошелъ сильный дождь; вода въ Гумистахъ сильно поднялась, и ревѣла какъ бѣшенная. Ханумъ погнала лошадь въ рѣку. О, лошадь споткнулась, вода унесла Роста Ханумъ. О, я виновата, руби мнѣ голову—вотъ сабля, я не опоясала домъ моего господина.

Манучаръ. Но она была внѣ дома.

Няня. Все равно... Ангелъ смерти не видѣлъ опояски и унесъ наше сокровище, нашу бѣлую лилію. О, моя проклятая голова. (Сафаръ-бей плачетъ).

Манучаръ. Что же, нашли ея тѣло?

Няня. Нашли, господинъ, сейчасъ же принесли къ отцу положили.

Манучаръ. А скоро отыскали ея тѣло.?

Няня. Скоро... Но души уже не нашли въ ней; душа утонула, надо душеньку ея теперь вызвать изъ воды. Я пойду звать ее, а потомъ рубите мнѣ голову (няня уходитъ черезъ парадную дверь).

Сафаръ-бей. (придя въ себя) Пойду взгляну на нее. О, моя чистая лилія за отцемъ и братомъ ушла, оставила насъ (Сафаръ-бей уходитъ черезъ боковую дверь, за нимъ въ раздумьи слѣдуетъ Манучаръ).

Дѣйствіе II.

Первое явленіе

Графъ Гудовичъ, Магилевскій.

Дѣйствіе происходитъ въ Канцеляріи Намѣстника Кавказа --Гр. Гудовича, въ Тифлисѣ. Графъ сидитъ за письменнымъ столомъ, разсматриваетъ бумаги, изъ другой комнаты канцеляріи приходитъ Магилевскій съ бумагой.

Магилевскій. Знаете, Ваше Сіятельство, оказывается Сафаръ-бей проситъ у Его Величества Государя Императора покровительства.

Гудовичъ. (Протяжно) Та-акъ... (Графъ беретъ грамоту отъ Магилевскаго и громко читаетъ)

„Всеавгустѣйшему и Всемилостивѣйшему Монарху нашему Всеподданнѣйшее прошеніе и преданіе себя съ владѣніемъ моимъ черезъ сіе мое письмо, слѣдующимъ образомъ.

1) Я, Сафаръ-бей, наслѣдникъ и владѣтельный князь Абхазіи: Дала, Цабала, Самурзакани и внутреннихъ мѣстъ по своему доброму желанію отнынѣ вступаю въ подданство и службу Всемилостивѣйшаго Самодержавца всея Россіи и прочихъ Императора Александра Павловича.

2) Отнынѣ, письмомъ симъ передаю себя и Абхазію и все находящееся въ ней въ наслѣдственное подданство престолу Его Императорскаго Величества и также преемникамъ Его престола съ прежней нашей православной вѣрой.

3) Обязываюсь давать лѣсъ для кораблей и золотыя и серебрянныя руды, кои будутъ находиться въ моемъ владѣніи съ дачею нѣкоторой части мнѣ, по щедрой милости Всемилостивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго Государя нашего.

4) Обязуюсь вмѣстѣ съ моими подданными безпрекословно повиноваться распоряженіямъ Главноуправляющаго Грузіей.

5) По благости и человѣколюбіямъ Самодержавнѣйшаго Государя нашего Императора, я не льщусь тѣми выгодами, которыхъ обѣщаетъ мнѣ Порта-Оттоманская ежегодними жалованьями и прочими многими выгодами.

6) За все мое вѣрноподданническое усердіе Всеавгустѣйшій Самодержавецъ да соизволитъ оградить мое владѣніе отъ втор-

женія внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ смутъ своими побѣдоносными войсками,

7) . . . . . .

8) По священнѣйшему благоволенію отъ Его Императорскаго Величества да будетъ мнѣ грамота, утверждающая меня и мое потомство въ вѣчное потомственное управленіе страной, ненарушимо вѣчно, доколѣ Императорскій Престолъ пребудетъ счастливымъ и сильнымъ и да будетъ эта грамота утверждена Монаршей непосредственной подписью.

Съ такимъ искреннѣйшимъ вѣрноподданническимъ усердіемъ предаю себя и подвластное мнѣ владѣніе Престолу Всероссійской Имперіи объ усерднѣйшемъ исполненіи всѣ эти пункты утверждаю обѣщаніемъ и присягой.

Въ чемъ подписуемся. (Прочитавши кладетъ грамоту на столъ и стучитъ пальцемъ по бумагѣ).

— Много будетъ намъ хлопотъ съ этой Абхазіей. Уже на что Имеретинцы сравнительно смирный народъ. Но и эта Имеретія много у насъ крови испортила, а Абхазія—да это все равно, что крапивы накласть себѣ за пазуху.

Магилевскій (съ улыбкой). Но Ваше Сіятельство, весною щи изъ крапивы объяденіе.

Гудовичъ. Такъ то такъ, да какъ изъ Абхазіи сварить. Трудно, хоть теперь и весна.

Магилевскій. Сваримъ, Ваше Сіятельство, крапива ужасно любитъ собственное свое сѣмя... Такъ мы у крапивы возьмемъ малую толику ея сѣмячекъ.

Гудовичъ. Какъ такъ? Вѣдь у насъ крапивнымъ сѣменемъ называютъ чиновниковъ.

Магилевскій (съ улыбкой). И меня въ томъ числѣ. Чтобъ абхазская крапива не обжигала намъ ни рукъ, ни ногъ, мы возьмемъ у Сафаръ-бея его сыновей въ аманаты... Вотъ вамъ, Ваше Сіятельство щи изъ крапивы. Я хорошо изучилъ этихъ азіатовъ.

Гудовичъ. Отлично, я согласенъ.

Магилевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы потребуемъ отъ Сафаръ-бея просительныхъ пунктовъ по которымъ онъ обязуется поступить со своей стороной въ вѣчное и потомственное владѣніе Россіи.

Гудовичъ. Отлично, такъ и будемъ дѣйствовать. А чтобы Асланъ-бей не успѣлъ натворить тамъ бѣдъ, вы приготовите теперь же предписаніе генералъ-майору Рикгофу вступить съ

войскомъ въ Абхазію на помощь Сафаръ-бею и предложеніе правительницѣ Мингреліи, княгинѣ Нинѣ Дадіани, чтобы ея милиція была отправлена немедленно туда, для изгнанія изъ Сухума Асланъ-бея. А еще бы лучше поймать этого разбойника

Магилевскій. Поймать его. Ваше Сіятельство, трудно будетъ. Если мы его даже прижмемъ на всѣхъ пунктахъ Абхазіи если, выгнавъ изъ Сухума, тоже отрѣжемъ ему отступленіе на югъ и на сѣверъ, то-есть и за рѣку Ріонъ въ Турцію и за рѣку Бзыбъ, тоже въ Турцію, къ Анапѣ, то у него еще остается отпертою дверь, которую мы запереть не въ силахъ. Другое дѣло, если бы мы укрѣпились на этомъ берегу. Но какъ? Надо добыть этотъ ключъ Ваше Сіятельство.

Гудовичъ. Отлично, я догадываюсь о какомъ ключѣ вы говорите.

Магилевскій. Да, Ваше Сіятельство, знаю, но только объ этомъ ключѣ надо говорить шопотомъ.

Гудовичъ. Что же. Мы шопотомъ переговоримъ съ тѣмъ, у кого этотъ ключъ теперь въ карманѣ.

Магилевскій. Съ Кучукъ-беемъ?

Гудовичъ. Да.. объ этомъ давно думалъ. Пока Поти и устья Ріона въ рукахъ у Турокъ, мы безсильны упрочить нашу власть не только въ Абхазіи, но и въ Имеретіи. Турки всегда будутъ грозить этимъ странамъ. Пока взаперти устья Ріона ключемъ Кучукъ-бея, мы не можемъ доставлять въ Ріонъ изъ Крыма ни продовольствія, ни вспомогательнаго войска, ни боевыхъ припасовъ: все это нужно добывать изъ за хребта. Но вѣдь черезъ хребетъ только орлы безопасно летаютъ, а не наши обозы и отряды.

Магилевскій. Для этого, Ваше Сіятельство, нужно переговорить общепринятымъ языкомъ.

Гудовичъ. Какимъ это?

Магилевскій. Золотомъ-съ.

Гудовичъ. Отлично...

Магилевскій. А теперь надо бы и поговорить.

Гудовичъ. Отлично, у меня золотой словарь уже готовъ.

Вотъ смотрите (Графъ отдернулъ со стола легкое покрывало изъ зеленой тафты, гдѣ лежали драгоцѣнные кинжалы, ташки, украшенныя дорогими камнями и брилліантами, пистолеты серебромъ и золотомъ отдѣланные, золотыя и серебрянныя медали. Графъ беретъ саблю и показываетъ). Вотъ этой саблѣ цѣна 1500 рублей, а эти двѣ по 100 руб., а одинъ этотъ кинжалъ съ камнями въ 750 рублей.

Магилевскій. Да, у дикаря глаза разбѣгутся при видѣ такихъ сокровищъ. За такое оружіе, Кучукъ-бей и отца родного продастъ. А кому же эти медали?

Гудовичъ. Ему и его приближеннымъ.

Магилевскій. На кого, Ваше Сіятельство, думаете возложить порученіе переговорить съ Кучукъ-беемъ?

Гудовичъ. Мой выборъ останавливается пока на его родственникахъ, преданныхъ Россіи. Я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ будутъ полезны Вахтанъ Гуріели, двоюродный братъ Кучукъ-бея, также подполковникъ князь Эристовъ, генералъ-майоръ князь Орбеліани и князь Манучаръ Шервашидзе.

Магилевскій. Князь Манучаръ, какъ я слышалъ, очень друженъ съ Сафаръ-беемъ.

Гудовичъ. Кто ихъ разберетъ, этихъ азіатовъ. Вѣдь братъ же этого Манучара, Бежанъ участвовалъ въ убійствѣ Келишъ-бея и его сыновей. Все это у нихъ зависитъ отъ минуты, отъ темперамента: сейчасъ они обнимаются, цѣлуются, а черезъ минуту кинжалъ въ сердцѣ, и все это изъ за пустяковъ.

Магилевскій. Да, удивительный народъ. Мнѣ объ этомъ же Асланъ-бѣ разсказывали, можетъ быть, это и анекдотъ, но очень характерный. Ѣстъ онъ гороховую похлебку, съѣлъ почти всю, но замѣтилъ въ жижицѣ одну горошину, не выловленную ложкой, старается ее выловить. Горошина все ускользаетъ изъ ложки, а у него уже глаза горятъ отъ злости на эту непокорную горошину. А говоритъ, подлая, не поддаешься, такъ вотъ же тебѣ,—выхватываетъ изъ за пояса пистолетъ и бацъ въ миску.

Гудовичъ. (Смѣется).

Гудовичъ. Да, это похоже на него.

Магилевскій. И на всякаго абхазца. У нихъ и женщины такія же отчаянныя. У этого Асланъ-бея есть молочная сестра, по имени Дида, такъ эта дѣвочка, дѣлаетъ съ ними всѣ набѣ-

ги на наши станицы: на Кубань, Кисловодскъ и теперь, говорятъ, пробралась къ нему въ Сухумъ и находится при немъ въ видѣ пажа.

Гудовичъ. Да, мнѣ говорили о ней, и прехорошенькій, говорятъ чертенокъ.

Магилевскій. Ваше Сіятельство, теперь я ухожу, у меня срочныя бумаги, нужно окончить.

Гудовичъ. Пока, до свиданія. (Магилевскій уходитъ).

Дѣйствіе 3.

Первое явленіе

Орбеліани, Кучукъ-бей, Эсма Ханумъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ домѣ владѣтеля Поти, Кучукъ-бея оружіе, принесенное Орбеліани, лежитъ на особомъ столѣ).

Орбеліани. Ханумъ, весело вамъ живется въ Поти? Не скучаете ли вы въ такомъ маленькомъ городкѣ?

Кучукъ-бей. Она теперь немножко скучаетъ по своей пріятельницѣ.

Орбеліани. Въ Тифлисѣ вы бы не скучали, тамъ такое обширное общество, столько развлеченій.

Эсма-Ханумъ (тихо). Мнѣ и здѣсь хорошо, катаюсь въ горахъ, ѣзжу съ отцомъ на охоту, плаваемъ по морю, иногда ѣздимъ въ Батумъ, Трапезондъ.

Орбеліани. О, это далеко не то, что въ Тифлисѣ (съ улыбкой), а еще лучше Петербургъ: вы были бы приняты ко Двору Императора; вы посѣщали бы придворные балы, оперу, театры, концерты; въ Эрмитажѣ и въ академіи художествъ вы бы видѣли столько произведеній искусствъ.

Эсма-Ханумъ (съ милой, наивной улыбкой). Это такъ много, что не поймешь всего.

Орбеліани (съ улыбкой). Вы бы все скоро узнали.

Эсма-Ханумъ. Но тамъ, говорятъ, лѣтомъ ночей не бываетъ.

Орбеліани. Нѣтъ, бываютъ ночи, но только свѣтлыя.

Эсма-Ханумъ. А какъ же мнѣ говорили, что тамъ какое то ледяное море, а лѣтомъ, ночью, солнце никогда не можетъ скрыться въ морѣ, а все ходитъ кругомъ, какъ потерянное и отъ этого люди съума сходятъ.

Орбеліани (весело смѣется). Это вамъ, вѣрно, говорили о Ледовитомъ океанѣ, туда къ полюсу, гдѣ, дѣйствительно, лѣтомъ нѣсколько мѣсяцевъ не заходитъ солнце, но это такъ далеко отъ Петербурга.

Эсма-Ханумъ. А все же страшно.

Кучукъ-бей (шутя). Вотъ я тебя и отвезу въ Петербургъ, туда, гдѣ солнце ходитъ какъ потерянное.

Эсма-Ханумъ (капризно). Нѣтъ отецъ, ты лучше повези меня въ Стамбулъ—ты же обѣщалъ это и мнѣ и Дидѣ.

Кучукъ-бей (улыбаясь). Подожди, повезу.

Эсма-Ханумъ. Тамъ такіе мечети, дворцы, караванъ-сараи, Босфоръ, Золотой Рогъ, самъ падишахъ.

Орбеліани. Въ Петербургѣ дворцы, храмы, красавица Нева, Острова, сады какіе, Петергофъ, Павловскъ. Куда вашъ Стамбулъ!

Эсма-Ханумъ. Но тамъ такіе снѣга, такіе морозы, такая зима.

Орбеліани. А у васъ здѣсь развѣ не вѣчные снѣга на горахъ, не вѣчные морозы, не вѣчная зима?

Эсма-Ханумъ. Но то на горахъ только, а здѣсь въ Поти, въ Сухумѣ почти вѣчная весна.

Орбеліани. Но вы не знаете, Ханумъ, какъ хороши зимы въ Петербургѣ, какъ тамъ весело живется зимой. Вы любите танцевать?

Эсма-Ханумъ. О, да, мы съ Дидой въ аулѣ Чичи всегда были побѣдительницами въ танцахъ. Я такъ люблю танцы.

Орбеліани. Въ Стамбулѣ, вѣдь, не танцуютъ, за то въ Петербургѣ всю зиму танцуютъ, то въ Дворянскомъ Собраніи, то на балахъ у знатныхъ вельможъ, то на придворныхъ балахъ, гдѣ танцуетъ самъ Государь Императоръ. Вотъ гдѣ бы вы показали свое искусство.

Эсма-Ханумъ. Самъ бѣлый царь танцуетъ передъ своими подданными, передъ рабами?!

Орбеліани. Да, такъ принято во всей Европѣ, у всѣхъ Государей; обыкновенно, государи и государыни сами открываютъ танцы. Нынѣшнюю зиму нашъ великій повелитель Императоръ Александръ Павловичъ, милостиво танцевалъ съ моей сестрой. Эта честь могла бы выпасть на вашу долю, если бы вы съ вашимъ почтеннымъ родителемъ, явились бы въ Петербургъ и были бы представлены къ Высочайшему Двору.

Эсма-Ханумъ. А падишахъ не танцуетъ?

Кучукъ-бей. Нѣтъ, дитя, падишахъ не танцуетъ.

Орбеліани. При томъ турецкія женщины и дѣвушки живутъ точно въ тюрьмѣ, ихъ никто не видитъ.—А театры?

Эсма-Ханумъ. Да, я слышала о театрахъ: тамъ хитро представляютъ то чего не было,—и спорятъ нарочно и показываютъ видъ, что убиваютъ, а убитые потомъ встаютъ.

Орбеліани. (невольный смѣхъ). Не совсѣмъ такъ, Ханумъ. Въ театрѣ вы не думаете, что все видѣнное неправда, что это на-

рочно. Вы расплачетесь не разъ, такъ будетъ хорошо.

Эсма-Ханумъ. Зачѣмъ же плакать, когда хорошо?

Орбеліани. Когда хорошо представляютъ въ театрѣ, то отъ этого хорошаго можно расплакаться сладкими слезами,—понимаете вы это?

Эсма-Ханумъ. Понимаю... Когда я долго послѣ аула Чичи не видѣла Диды, а потомъ, когда она пріѣхала съ Бежаномъ Шервашидзе, чтобы просить у отца помощи Асланъ-бею, то когда я увидѣла Диду, такъ отъ радости расплакалась.

Орбеліани. А вы знаете Асланъ-бея, Ханумъ?

Эсма-Ханумъ. Какъ же, мы воспитывались съ ними въ одномъ аулѣ —Чичи. Ахъ какой онъ былъ уже тогда делибашъ, еще мальчишкой (*общее молчаніе*).

Орбеліани. Такъ хотите въ Петербургъ, Ханумъ?

Эсма-Ханумъ. Хочу... Мнѣ бы хотѣлось.

Кучукъ-бей (*передразнивая*). Потанцевать съ самимъ бѣлымъ царемъ!

Эсма-Ханумъ (*съ смущенной улыбкой*). Да, отецъ.

(*Орбеліани смотритъ на часы*).

Орбеліани. Какъ ни пріятно мнѣ съ вами говорить, прекрасная Ханумъ, но служба требуетъ, чтобы я ушелъ (*встаетъ, обращается къ Эсма Ханумъ*). Надѣюсь скоро видѣть васъ, въ Петербургѣ, танцующей съ бѣлымъ царемъ (*дѣлаетъ почтительный поклонъ, уходитъ, его провожаетъ Кучукъ-бей. Эсма-Ханумъ остается и задумывается глубоко*),

(*На сцену являются Асланъ-бей съ Дидой, дѣвицы цѣлуются*

Второе явленіе

Эсма-Ханумъ, Дида, Кучукъ-бей.

Эсма-Ханумъ. Ахъ, вы еще здѣсь, не поѣхали?

Дида. Нѣтъ, мы ѣздили въ Сухумъ, но какъ понадобилось, опять пріѣхали.

Эсма-Ханумъ. Знаешь, Дида, мы поѣдемъ въ Петербургъ.

Дида (изумленно). Въ Петербургъ? Зачѣмъ? Ты съума сошла?

Эсма-Ханумъ. Нѣтъ, Дида. Тамъ, говорятъ, такъ хорошо... Театръ, бѣлый царь...

(*Кучукъ-бей приходитъ*).

Асланъ-бей. Паша ты идешь прямо къ погибели и тащишь за собой въ пропасть Абхазію. Посмотри, что сталось

съ Имеретіей. Ея Царь Соломонъ, выгнанный изъ своего дворца, изъ своей столицы, бродитъ теперь по горамъ и болотамъ своего царства, оспаривая у дикихъ кабановъ и козъ ночлегъ для себя и своего семейства. Вѣдь ему негдѣ голову преклонить дворецъ его превращенъ въ конюшни для казацкихъ лошадей. А Мингрелія и Гурія? Въ кого превратились владѣльцы этихъ странъ? Имъ ли принадлежатъ ихъ города? Нѣтъ, тамъ правятъ всѣмъ гарнизонные начальники. Зачѣмъ это гарнизонные? А это,—говорятъ, для безопасности владѣтелей. Это—почетная тюрьма. Повѣрь, Паша, они и къ тебѣ, въ Поти поставятъ гарнизонъ—почетную стражу, для чего? Охранять особу Кучукъ-бея. Вотъ ужъ къ моему братцу—бабѣ Сафаръ-бею, приставили почетный караулъ, а старшаго сына его, княжича Димитрія, отправятъ въ Петербургъ аманатомъ. Развѣ падишахъ беретъ у насъ аманатовъ? Повѣрь, паша и у тебя возьмутъ твое сокровище, свѣтъ очей твоихъ.

Кучукъ-бей. Кого?

Асланъ-бей. Твою жемчужину, розу садовъ Абхазіи, звѣзду востока—твою Эсма-Ханумъ.

Кучукъ-бей (*вскричалъ*). Какъ, зачѣмъ?

Асланъ-бей. Показать театры, дворцы, а потомъ засадить въ тюрьму, которую они называютъ Смольнымъ институтомъ. Я это знаю отъ вѣрныхъ людей... Тамъ уже зачахла не одна грузинка, не достаетъ, чтобы тамъ завяла прекраснѣйшая изъ всѣхъ розъ Абхазіи... Не даромъ такъ прельщалъ ее Князь Орбеліани, собака, потянувшаяся за чужимъ кускомъ, когда подъ носомъ есть гораздо лучшій.

Кучукъ-бей (*закричалъ, хватаясь за рукоятку кинжала*). Этому не быть, клянусь бородой Пророка?

Асланъ-бей. Погляди на море (*протягиваетъ руку по направленію къ морю*). Оно теперь наше... Слышишь крикъ чаекъ, что вольно носятся надъ водой, ища себѣ добычу. Это мы—сыны горъ, такіе же вольные какъ птицы небесныя. Этотъ воздухъ, это море, эти корабли, это небо—все это наше, Они, какъ воры пробираются къ намъ; ихъ корабли, какъ шакалы ночью подкрадываются къ нашимъ берегамъ изъ Крыма. Какое имъ дѣло до насъ? Мы не лѣземъ къ нимъ въ Петербургъ, а они къ намъ лѣзутъ,—зачѣмъ? Намъ Аллахъ далъ эту землю, это море, а они хотятъ отнять у насъ.

Кучукъ-бей. Никогда. Если насъ мало, а ихъ много, то за

насъ самъ падишахъ и тѣнь Аллаха на землѣ. Эта тѣнь прикроетъ насъ.

Асланъ-бей. Но мы должны дѣйствовать.

Кучукъ-бей. Аллахъ Керимъ! Мы будемъ дѣйствовать, Трапезондъ недалеко.

Асланъ-бей. А кто есть тамъ у тебя?

Кучукъ-бей. Самъ Сераскиръ Шерифъ паша. Онъ до самой Мекки готовъ идти, если скажу, что онъ однимъ глазомъ можетъ увидѣть мою жемчужину.

Асланъ-бей. Это Эсма-Ханумъ?

Кучукъ-бей. Да, дитя моей души, лучшую кровь моего сердца.

Асланъ-бей. А развѣ Шерифъ паша уже видѣлъ ее?

Кучукъ-бей. Видѣлъ, когда она не носила еще покрывало стыдливости.

Асланъ-бей И ты отдаешь ее Сераскиру?

Кучукъ-бей Не знаю... Не знаю, можно ли вырѣзать кусокъ сердца и остаться живымъ?

Асланъ-бей. Пообѣщай—помани льва овечкой.

Кучукъ-бей. Попробую.

Асланъ-бей. Паша, намъ медлить нельзя. Мои кунаки сообщили мнѣ, изъ Редутъ-Кале, что эта собака, которая пѣла здѣсь соловьемъ, думая соблазнить Эсма-Ханумъ Петербургомъ, его театрами, готовится уже къ осадѣ Поти, чтобы отнять у тебя назадъ тѣ драгоцѣнныя сабли и кинжалы, которые подарены тебѣ.

Кучукъ-бей (нѣсколько задорно). А это тоже кунаки сообщили?

Асланъ-бей Кунаки... Однако, паша, намъ съ тобой ссориться не выгодно.

Кучукъ-бей. Правда, князь... И орлы ссорятся изъ-за добычи, но когда къ ихъ гнѣзду подбирается охотникъ за орлятами то они несутъ свои когти и клювы на общаго врага.

Асланъ-бей. Сама мудрость говоритъ твоими устами. Когда же ты думаешь поманить Шерифъ-паша своей овечкой?

Кучукъ-бей. Сейчасъ я пошлю гонца (Уходитъ, Асланъ-бей остается, встаетъ съ мѣста).

Асланъ-бей (въ отчаяніи). Полагая спасти отъ гибели возлюбленную родину и право династіи, я убилъ отца родного и

братьевъ и далѣе не останавливался ни передъ чѣмъ. Но нѣтъ, не суждено мнѣ спасти Абхазію. Владѣтельница Мингреліи и сынъ ея всегда будутъ держать сторону Сафаръ-бея, какъ мужа Тамары, изъ рода тѣхъ же Дадіани. Но что-же мы вдвоемъ можемъ сдѣлать противъ трехъ силъ: русской, мингрельской и абхазской. Да и гурійцы, особенно ихъ владѣтельный князь, Мамія, давно принявшій христіанство, тоже можетъ присоединиться къ нимъ. Какъ быть? Гдѣ спасенье? У турокъ? нѣтъ! Они не могутъ быть опорой, русскіе побѣдятъ ихъ... Но я буду защищаться, я не пощажу себя и преданныхъ мнѣ людей, буду продолжать борьбу до послѣдней возможности. Но нѣтъ спасенія Абхазіи. Этотъ Мафусаилъ видѣлъ Эсма-Ханумъ и мечтаетъ взять ее себѣ въ жены. Будь онъ проклятъ!.. Никогда! Лучше потерять жизнь. (Асланъ-бей падаетъ въ кресло. Входитъ Эсма-Ханумъ, съ удивленіемъ смотритъ на Асланъ-бея, свѣсившагося съ кресла безъ чувствъ. Она нагибается и цѣлуетъ ему руки, онъ вздрогнувъ, открываетъ глаза, блеснувшіе безумной радостью).

Асланъ-бей. Эсма, дѣва рая! (онъ приподнялся обвилъ ее руками). О моя жизнь, душа души моей. Я увезу тебя къ себѣ въ Абхазію въ горы, я спрячу тебя въ своемъ сердцѣ. Я не позволю отдать тебя въ его гаремъ (Эсма освобождается изъ его объятій).

Эсма-Ханумъ. (съ испугомъ) Меня отдать? Кому?

Асланъ-бей. Развѣ ты не знаешь, дитя мое, что отецъ твой обѣщалъ отдать тебя Шерифу-пашѣ?

Эсма-Ханумъ. (съ ужасомъ). Шерифу-пашѣ? Аллахъ!

Асланъ-бей. Да, дитя мое, поэтому Сераскиръ идетъ съ войскомъ къ Поти. Онъ скоро придетъ, знаю отъ лазутчиковъ. Но я не отдамъ тебя никому, дитя души моей. Я похищу тебя и ты уйдешь въ Сухумъ, въ Абхазію, ты будешь моей женой, моей владычицей-владычицей Абхазіи. Я одѣну золотой царскій вѣнецъ на твою головку, посажу тебя на тронъ и будешь ты царицею Абхазіи, моею царицею.

Эсма-Ханумъ, (робко). Какъ же мы уйдемъ изъ крѣпости, когда кругомъ русскіе и мингрельцы.

Асланъ-бей. Объ этомъ не безпокойся, дитя мое. Я уже заранѣе все приготовилъ. Прости меня, чистая жемчужина, я давно рѣшилъ похитить тебя силою, но ты теперь сама согласъ-

на,-да? Говори, пусть сіяютъ твои глаза передо мной, пусть сверкаютъ твои перламутровые зубы, играй твоимъ голоскомъ на струнахъ моей души. Ты для меня все (въ это время раздается пушечный выстрѣлъ). Слышишь, дитя мое, если Шерифъ паша не успѣетъ явиться къ Поти, все равно русскіе возьмутъ крѣпость и ты будешь плѣнницей какого нибудь русскаго казака или Шерифъ паши, если онъ явится раньше.

Эсма-Ханумъ. О, нѣтъ, нѣтъ (съ испугомъ). Но какъ мы выйдемъ отсюда?

Асланъ-бей (тихо, торопливо). Слушай, пока никто не пришелъ, я все разскажу тебѣ. Изъ крѣпости есть тайный ходъ. Объ этомъ только знаетъ твой отецъ, да я. Въ задней стѣнѣ мечети налѣво отъ минарета есть тайная дверь, которая отворяется, если нажать одинъ мѣдный гвоздь у самаго пола; дверь идетъ въ подземный коридоръ, что выходитъ прямо къ морю. Выходъ изъ него заваленъ большимъ камнемъ, который легко сдвигается въ сторону тоже особой пружиной. Камень этотъ прикрытъ большимъ кустомъ боярышника. Я уже посылалъ своего вѣрнаго Тамшуга въ Сухумъ къ князю Бежану, чтобы онъ ночью съ лодкой и гребцами явился у стѣнъ Поти въ условленномъ мѣстѣ. Лодка эта приметъ насъ.

Эсма-Ханумъ. Дида съ нами поѣдетъ?

Асланъ-бей. Да, она вернется въ свой аулъ (встаетъ, бережно беретъ ее за талію). Ну уйдемъ, часть моей души (уходятъ).

Дѣйствіе 4.

Явленіе первое.

Первый и второй мичманы, старикъ, докторъ.

Побѣдители русскіе съ распущенными знаменами, съ музыкой вступили въ осиротѣвшую Сухумскую крѣпость. Вездѣ видны слѣды разрушеній: на стѣнахъ крѣпости опрокинутое и поврежденное орудіе, полуразрушенные дома, Мертвыя тѣла. За мечетью на толстомъ брускѣ лежитъ совсѣмъ голый, привязанный къ нему по рукамъ и по ногамъ, молодой абхазецъ. Около него стоитъ старикъ, къ которому подходитъ молодой мичманъ.

Мичманъ I. Что такое, старичекъ?

Старикъ. Этотъ человѣкъ, господинъ, оказался измѣнникомъ и господинъ нашъ Асланъ-бей приказалъ вчера подвергнуть его публичному наказанію, черезъ собакъ, пока не покроетъ его собою тѣнь минарета, а потомъ отвязать и привести къ бею для казни. А такъ какъ Асланъ-бей и его воины оставили городъ еще ночью, а тѣнь отъ минарета уже покрыла половину тѣла измѣнника, то я жду пока не покроетъ его Аллахъ своей тѣнью. и тогда развяжу его.

Мичманъ 2-й. Да, онъ весь облитъ, кажется кислымъ молокомъ?

Мичманъ I-й. Это такой обычай у нихъ. Виновному обливаютъ лицо и бороду кислымъ молокомъ, сажаютъ на осла или лошадь лицомъ къ хвосту и водятъ по городу. Это считается публичнымъ поруганіемъ, а высшее поруганіе это раздѣваютъ виновнаго до-нага, обливаютъ все тѣло кислымъ молокомъ, привязываютъ къ брусу или тяжелой доскѣ и предоставляютъ собакамъ лизать его.

Мичманъ 2-й. Фу, какая гадость! Отвяжи его скорѣй, старикъ! Аллахъ покрылъ его уже своей тѣнью.

(*Старикъ отвязываетъ несчастнаго*).

Мичманъ 1-й. Чѣмъ же провинился этотъ несчастный передъ Асланъ-беемъ?

Старикъ. Да онъ, господинъ, тайно далъ знать вчера вечеромъ старшему брату нашего господина Асланъ-бея Сафаръ-бею, что русскіе бомбардируютъ Сухумъ и, вѣроятно, скоро возьмутъ его.

Мичманъ 2-й. О, такъ онъ нашъ союзникъ. Его не казнить надо, а наградить.

Докторъ. Правда, юноша, правда. А какъ онъ тебѣ приходится старикъ?

Старикъ. Онъ мой сынъ, господинъ!

Мичманъ 2-й. Такъ вы оба наши друзья—союзники, (*Хлопаетъ по плечу старика, который торопливо отвязываетъ несчастнаго. Несчастный съ помощью отца поднимается и садится на брусъ*). Что же ты его раньше не развязалъ, старикъ, разъ Асланъ-бея давно уже нѣтъ въ Сухумѣ?

Старикъ. По закону, господинъ, по корану: Мулла говоритъ, что пока тѣнь Аллаха отъ минарета не покроетъ собою осужденнаго, до тѣхъ поръ его нельзя отвязать, а то Аллахъ убьетъ его солнечною стрѣлою.

Докторъ. Старикъ, веди его за мной, я ему дамъ во что одѣться, (*уходитъ въ сторону. Раздаются звуки рожковъ, призывающіе команду къ сбору, матросы выстраиваются, мичманы поспѣшно занимаютъ свои мѣста между войсками*).

Донтъ (*громко протяжно*). На кр-р-аулъ! (*Морское войско выстраивается въ ожиданіи сухопутнаго войска. За кулисами слышны шаги приближающагося войска*).

Сухопутный офицеръ. Стопъ! На кр-раулъ! (*Сухопутное войско на сцену выстраивается. Вызовъ морского отряда*).

Орбеліани (*обращается къ войскамъ*). Русское доблестное войско и наши союзники! Поздравляю васъ съ побѣдой. Благодарю васъ за честное и храброе исполненіе своего долга предъ Государемъ Императоромъ и отечествомъ.

Войско. Рады стараться, Ваше Сіятельство!

Орбеліани (*обращается къ близко стоящему мичману*. Господинъ мичманъ! прикажите принести два большихъ турецкихъ барабана, (*мичманъ съ помощью одного матроса приноситъ и кладетъ барабаны*. Орбеліани беретъ у своего адьютанта Высочайшую грамоту, орденъ Анны 1-й степени и кладетъ ихъ на верхъ сложенныхъ барабановъ.

Орбеліани [обращается къ своему адьютанту].

Попросите батюшку сюда. (Адьютантъ поспѣшно уходитъ).

[Въ это время старикъ—священникъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ и Евангеліемъ отдѣляется отъ свиты, кладетъ священные предметы на Высочайшую грамоту и орденскую ленту].

Орбеліани.—Ваша Свѣтлость! приступайте къ присягѣ свя-

щеннодѣйствію, (Сафаръ-бей подходитъ къ аналою, поднимаетъ правую руку съ крестнымъ сложеніемъ).

Священникъ. (старческимъ голосомъ). Я—Сафаръ-бей, владѣтельный князь Абхазіи, въ святомъ крещеніи Георгій князь Шервашидзе, предъ Всемогущимъ Богомъ и святымъ Его Евангеліемъ обѣщаюсь и клянусь, что Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему, Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссійскому и прочая, и прочая, и прочая и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю (такому то) хочу быть вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ и вѣчно подданнымъ и не вступать въ союзы съ другими державами и никуда безъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія и указа за-границу не отъѣзжать и въ чужестранную службу не вступать; такожъ съ непріятелями Его Императорскаго Величества вредительной откровенности не имѣть, ниже такую заповѣдную корреспонденцію внутрь и внѣ Россійскаго Государства содержать и никакимъ образомъ противудолжности вѣрнаго подданнаго Его Императорскаго Величества не поступать и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и въ томъ, во всемъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить и при томъ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися буду; когда же къ службѣ и пользѣ Его Величества какое тайное дѣло, или какое бы оно ни было, которое приказано будетъ тайно содержать, и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будетъ повелѣно объявлять. Сіе долженъ и хощу вѣрно содержать, елико Всемогущій Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе сей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя Аминь.

(Эти слова за нимъ повторяетъ Сафаръ-бей. По окончаніи

присяги Орбеліани подходитъ къ аналою, беретъ Евангеліе и крестъ, передаетъ ихъ священнику, а самъ, развернувъ Высочайшую грамоту, громко читаетъ).

(Орбеліани вручаетъ Сафаръ-бею грамоту, тотъ цѣлуетъ собственноручную подпись Государя).

Орбеліани [подходитъ къ Сафаръ-бею]. Поздравляю Васъ, Ваша Свѣтлость, съ Монаршею милостью (возлагаетъ на него орденскую ленту Анны I-й степени]. Съ сего момента Вы не Сафаръ-бей, а свѣтлѣйшій князь Георгій Шервашидзе (они цѣлуются; войско кричитъ „ура", раздаются нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, затѣмъ музыка играетъ тушъ. Въ это время на сцену являются старики съ низко опущенными головами, на шеѣ у каждаго виситъ обнаженная сабля).

Сафаръ-бей. Что это такое князь?

Орбеліани. Догадываюсь, Ваша Свѣтлость! Это почетнѣйшіе старѣйшины Сухума и сосѣднихъ селъ несутъ Вамъ повинную. Сабля на шеѣ—это величайшій позоръ, величайшее униженіе и глубочайшая покорность. Этимъ они заявляютъ Вашей Свѣтлости, что заслужили смертную казнь; этими саблями Вы можете ихъ казнить, но въ вашей власти ихъ помиловать.

Сафаръ-бей. Ваше Сіятельство! я полагаю что нужно помиловать.

Орбеліани. Да, слѣдуетъ. Пожалуйте, Ваша Свѣтлость, къ нимъ навстрѣчу [Сафаръ-бей и Орбеліани выходятъ навстрѣчу старикамъ).

Орбеліани. Здравствуйте, старики! (Старѣйшины молча низко кланяются). Признаете вы себя виновными передъ Его Императорскимъ Величествомъ и передъ законнымъ владѣтелемъ всей Абхазіи, Его Свѣтлостью, княземъ Сафаръ-беемъ? (Старики кланяются низко). Слушайте, почтенные старѣйшины! Его Свѣтлость князь Сафаръ-бей и я, князь Орбеліани, данною намъ отъ Государя Императора властью объявляемъ вамъ помилованіе и прощеніе всего содѣяннаго вами въ ослѣпленіи и невѣдѣніи. Поднимите же головы и приведите ваши сабли въ порядокъ, мы возвращаемъ ихъ вамъ съ прежнею честью [Старѣйшины выправляются и приводятъ сабли въ порядокъ].

Орбеліани. Слушайте, почтенные старѣйшины! Отправляйтесь теперь въ ваши аулы, оповѣстите всѣхъ о священной волѣ Государя Императора и разошлите гонцовъ по всей Абхазіи со слѣдующимъ нашимъ приказаніемъ: пусть всѣ абхазскіе князья

и дворяне и духовенство, а равно всѣ способные носить оружіе, пусть всѣ явятся въ Соуксу къ 30 ноября сего 1810 года. Тамъ будетъ прочитана Высочайшая грамота, и всѣ будутъ приведены къ присягѣ на вѣрность Государю Императору и законному владѣтелю страны. Слышали, поняли?

Старѣйшины. Слышали и поняли (дѣлаютъ поклонъ и уходятъ. Орбеліани подходитъ къ малолѣтнему Дмитрію).

Орбеліани. Теперь, мой милый мальчикъ, подойди, поздравь папу съ Монаршей милостью и простись съ нимъ (Дмитрій подходитъ къ отцу, тотъ нѣжно его обнимаетъ, нѣсколько разъ цѣлуетъ и три раза осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ)

Сафаръ-бей. Иди къ мамѣ (Дмитрій подходитъ къ матери).

Княгиня. Мой дорогой крошечка! (Страстно обхватываетъ мальчика и съ воплемъ цѣлуетъ его).

(К о н е ц ъ).

С. М. Ашхацава

С. М. Ашхацава.

Омаръ-бей.

Историческая пьеса изъ Абхазской жизни.

Извлеченіе изъ романа Д. Л. Мордовцева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе (онъ же Омаръ-бей). Офицеръ 21 года.

Кн. Миша 16 лѣтъ братъ кн. Шервашидзе, красивый юноша, одѣтъ въ черкеску.

Кн. Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ, пожилой человѣкъ, лѣтъ 50.

Княгиня Гагарина—супруга кн. Гагарина, 40 лѣтъ.

Княжна Варвара и Катишъ.

Князекъ Сережа 10 лѣтъ.

Князь Голицынъ лѣтъ 25, офицеръ.

Георгій Ивановичъ домашній врачъ кн. Гагарина, лѣтъ подъ сорокъ, небольшого роста.

Шилковъ офицеръ, лѣтъ 30, высокаго роста.

Урусъ Лакоба, 28 лѣтъ, абхазецъ, посланецъ къ кн. Шервашидзе отъ матери.

Солдатъ--денщикъ кн. Шервашидзе.

Дѣйствіе I.

Первое явленіе.

Княжна Варвара Павловна.

Князь Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе.

Князь Голицынъ.

Деньщикъ кн. Димитрія Шервашидзе.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ весной 1821 года, въ Павловскомъ паркѣ. Въ обширномъ паркѣ, въ зеленой листвѣ, перекликаются кукушки. Изъ глухихъ угловъ парка, изъ темныхъ зарослей слышно пѣніе соловьевъ.

Княжна сидитъ на скамьѣ, князь Димитрій около нея.

Княжна. Я сейчасъ въ умѣ спрашивала кукушку, сколько мнѣ осталось жить и она прокуковала мнѣ всего пять лѣтъ. А у васъ въ Абхазіи есть кукушки?

Кн. Димитрій (думая о чемъ то другомъ). Есть, княжна. (молчаніе).

Княжна. И Волга есть въ Абхазіи, князь?

Димитрій. Есть и Волга, княжна.

Княжна (со смѣхомъ). Что съ вами сегодня, князь. Васъ,

вѣроятно опять пожурилъ за лѣность Василій Андреевичъ Жуковскій.

Димитрій (съ грустнымъ укоромъ, почти рѣзко). Нѣтъ, княжна, меня не журилъ Жуковскій, но я скоро долженъ оставить Петербургъ и навсегда.

Княжна (глухо). Какъ?

Димитрій. Вы знаете, княжна, что въ февралѣ скончался мой батюшка. Абхазія осталась безъ правителя. Правда, страною управляетъ матушка. Но что можетъ сдѣлать слабая женщина съ такимъ свободолюбивымъ народомъ, какъ абхазцы. При томъ же нашу бѣдную осиротѣлую Абхазію раздираютъ смуты. Еще при жизни батюшки, братъ его, а мой дядя Асланъ-бей заклятый врагъ покойнаго отца моего, привлекъ на свою сторону самые воинственные элементы Абхазіи. Кромѣ того, поддерживаютъ внутреннюю смуту въ бѣдной странѣ еще другіе мои дяди. А у матушки моей еще на рукахъ два малолѣтнихъ сына, мои братья (молчаніе).

— Да, живя здѣсь съ самаго дѣтства, я смутно зналъ, что дѣлалось въ Абхазіи во время управленія страною моего отца. Я здѣсь учился, развлекался, а въ послѣднее время было даже... (какъ бы испугавшись своихъ словъ, онъ прерываетъ себя. Княжна пытливо взглядываетъ на него). Видите ли, княжна, я даже почти ничего не зналъ, что происходило въ Абхазіи послѣ смерти моего отца, хотя минуло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ его кончины. Но вчера призывалъ меня къ себѣ Ермоловъ и обстоятельно посвятилъ въ дѣла моей родины. Вотъ, что, княжна, я узналъ отъ него. Отецъ мой Сафаръ-бей скончался 7-го февраля въ Сухумъ-Кале гдѣ находится русскій гарнизонъ подъ командою майора Могилянскаго. И представьте себѣ—едва разнеслась вѣсть о смерти правителя Абхазіи, какъ на другой же день толпы сторонниковъ дяди Хасанъ-бея окружили крѣпость и напали на русскую команду, которая послана была въ сосѣдній лѣсъ за дровами, такъ что на выручку имъ пришлось выслать роту пѣхоты съ орудіемъ [молчаніе].—Вотъ я теперь русско-подданный, офицеръ русской службы. Абхазія тоже считается русскою провинціею, а я—залогъ ея вѣрности нашему Императору, я аманатъ Абхазіи. Но Абхазія, не смотря на это, считаетъ себя свободною страною.

Княжна. Значитъ теперь Абхазіей управляетъ не маманъ ваша, а Хасанъ-бей?

Димитрій. Къ сожалѣнію, почти такъ. Когда въ стычкѣ 8-го февраля русскіе захватили въ плѣнъ нѣсколько абхазцевъ, то дядя Хасанъ-бей на другой же день явился въ крѣпость требовать ихъ освобожденія, говоря, что они подвластны ему, а не моей маманъ. Еще то хорошо, что маманъ и мои братишки имѣютъ защиту въ моемъ кузенѣ, въ князѣ Леванѣ Дадіани, владѣтелѣ Мингреліи. Вѣдь я вамъ говорилъ, кажется, что моя маманъ изъ Мингреліи, изъ дома владѣтельныхъ князей Дадіани и приходится теткой князю Левану. Но Леванъ, какъ мнѣ сообщилъ вчера Алексѣй Петровичъ Ермоловъ,—не безкорыстный нашъ защитникъ. Ермоловъ говоритъ, что князь Леванъ двинулъ свои войска въ Абхазію будто бы для защиты маманъ и моихъ братишекъ отъ дяди Хасана, а на самомъ дѣлѣ ему хочется оттянуть у насъ клочекъ нашей Абхазіи, который нѣкогда былъ подвластнымъ правителямъ Мингреліи. Но это Левану не удалось, а дядя Хасанъ самъ попалъ въ ловушку. Его перехитрилъ Могилянскій, комендантъ Сухума. Когда дядя явился въ Сухумъ съ небольшою свитою изъ Цебельдинскихъ князей, чтобы требовать выдачи плѣнныхъ абхазцевъ, захваченныхъ въ стычкѣ 8-го февраля, Могилянскій приказалъ арестовать его. Это произошло въ домѣ Могилянскаго. Князья Цебельдинскіе находились на галлереѣ и когда увидѣли оттуда изъ окна, что ихъ вождя вяжутъ, какъ простого разбойника, то бросились защищать его; произошла кровопролитная свалка.

Княжна (съ грустной улыбкой). Вотъ вамъ и поэтическая Абхазія, родина Медей, царство золотого руна. Кровь, кровь и кровь. А у насъ, посмотрите, просто рай (княжна встаетъ и указываетъ рукой на природу). Не правда ли, какъ симпатична наша сѣверная природа.

Димитрій (задумчиво). Да, я привыкъ къ ней, сжился съ нею, вѣдь болѣе десяти лѣтъ я живу подъ вашимъ небомъ.

Княжна (задорно, дѣлая удареніе на словѣ „вашего“) И вы рады покинуть его для вашего неба?

Димитрій (тихо, съ грустью въ голосѣ). Нѣтъ, княжна, напротивъ я покидаю его съ жалѣніемъ. Я покидаю здѣсь то... (замявшись, почти шопотомъ) то, что мнѣ дорого.

Княжна. Василія Андреевича конечно!

Димитрій Да... но вы знаете... Я не смѣю...

Княжна Но вы не досказали о Ермоловѣ и вашей Абхазіи, о дядѣ Хасанъ-беѣ.

Димитрій. Да, правда, виноватъ. Дядю Хасана скоро перевезли съ корабля въ крѣпость Редутъ-Кале, а оттуда въ концѣ марта, подъ конвоемъ отправили сначала въ Кутаисъ, а потомъ въ Гори.

Княжна. А гдѣ же теперь вашъ другой дядя, о которомъ вы много говорили.

Димитрій. Асланъ-бей?

Княжна. Да, да, Асланъ-бей.

Димитрій. О немъ то Ермоловъ особенно безпокойтся... Это ужасный человѣкъ! Теперь, услыхавъ объ арестѣ и высылкѣ въ Гори брата своего Хасана-бея, онъ снова явился въ Абхазію, а до сихъ поръ скрывался въ Турціи и сталъ разглашать вездѣ, что онъ имѣетъ право на владѣніе Абхазіей. Ну, понятно, что къ нему теперь стекаются всѣ отчаянныя головы изъ Цебельды, Дала и со всѣхъ концовъ Абхазіи. Матушка, конечно, въ отчаяніи.

Княжна. А гдѣ теперь ваша Маманъ.

Димитрій. Да въ Сухумѣ. Вѣдь тамъ только и можно спрятаться отъ нашихъ разбойниковъ... Но каковъ негодяй — извините, княжна, мой дядюшка Асланъ. На-дняхъ онъ является въ Сухумъ съ войскомъ и шлетъ пословъ къ коменданту крѣпости. Комендантъ высылаетъ къ нимъ переводчика. Послы говорятъ, что Асланъ-бей, повелитель Абхазіи, требуетъ, чтобы русскіе вывели свои войска изъ Абхазіи. Тогда комендантъ велѣлъ объявить дерзкимъ посламъ, что если они или другіе вновь явятся съ подобнымъ предложеніемъ, то они встрѣчены будутъ выстрѣлами и пусть скажутъ Асланъ-бею, чтобы онъ и его единомышленники ожидали скорой гибели со своими семействами.

Княжна (какъ бы про себя). Бѣдная страна.

Димитрій (горячо). Она перестанетъ быть бѣдной. Я усмирю всѣхъ бунтовщиковъ. Ермоловъ сказалъ мнѣ, что Государю Императору благоугодно назначить меня повелителемъ Абхазіи. (гордо) Я законный наслѣдникъ моего отца. Я внесу въ страну любовь и уваженіе, миръ и спокойствіе. Абхазцы скоро поймутъ необходимость въ перемѣнѣ жизни. Тогда пойдетъ она быстрыми гигантскими шагами впередъ (молчаніе). Вотъ сегодня назначена мнѣ аудіенція у Государя. Императоръ самъ объявитъ мнѣ Высочайшую волю... и тогда... тогда я долженъ буду покинуть это сѣверное небо, небо, моей второй родины (княжна плачетъ, онъ испуганно). Княжна... Варвара Павловна, что съ вами. (Она

закрываетъ лицо руками, рыдаетъ). Боже мой... Варвара Павловна. Господи? да что же это такое. Господи, да что же это, обидѣлъ я васъ... Скажите ради Бога, что съ вами (растерянно) скажите, что съ вами?

Княжна. Ахъ, развѣ вы не видите!

Димитрій. Что же, Господи (нѣжно привлекаетъ къ себѣ, шепчетъ) Варя... Варенька... Ангелъ мой, Варя божество (цѣлуетъ ее въ губы.

Княжка. (Освобождаясь изъ его объятій шепчетъ) Увидятъ.

Димитрій. Такъ ты будешь моя, будешь моей царицей и царицей Абхазіи. Я все отдамъ тебѣ—мое голубое небо, мое бирюзовое море, мои горы... Вся природа моей родины—дремучіе лѣса, бурныя рѣки, горные ручьи и гремучія каскады, все это твое, мое божество (она, восторженно улыбаясь, жметъ ему руку). Варя, божество мое. (Вдругъ слышатся шаги приближающагося человѣка)

Княжна (отодвигаясь къ краю скамейки, шопотомъ). Голицынъ.

Явленіе 2-е

Княжна, Димитрій Шервашидзе и кн. Голицынъ.

Голицынъ. Вотъ они гдѣ отшельники. Я васъ искалъ по всему парку (поздоровавшись съ княжной, обращается и кн. Димитрію). А васъ, князь позвольте поздравить.

Димитрій. Съ чѣмъ?

Голицынъ. Я слышалъ, что васъ посылаютъ на Кавказъ правителемъ Абхазіи.

Димитрій (гордо) Да... Я законный наслѣдникъ моей страны.

Голицынъ. И вы скоро уѣзжаете.

Димитрій Не знаю... Какъ будетъ угодно Государю Императору.

Голицынъ. Какъ я радъ за васъ—повелитель цѣлаго народа, въ своемъ родѣ Государь.

Княжна. Вы, вѣроятно, заѣзжали къ намъ на дачу, князь?

Голицынъ. Да, Варвара Павловна, на вашей дачѣ я узналъ, что вы сюда уѣхали и что князь Димитрій Георгіевичъ обѣщалъ милой Катишѣ привезти ландышей и незабудокъ.

Княжна. Въ самомъ дѣлѣ пойдемте искать ландышей и не-

забудокъ, надо что нибудь привезти Катишь.

Голицынъ (вставая съ мѣста). Съ удовольствіемъ (всѣ встаютъ и идутъ искать цвѣты. Къ кн. Дмитрію подходитъ его денщикъ, князь останавливается).

Денщикъ. Ваше Сіятельство, тамъ ожидаетъ одинъ господинъ, только не изъ нашихъ.

Димитрій. А кто такой, что ему надо?

Денщикъ. Говоритъ отъ вашей родительницы, съ письмомъ „съ самово Капказу". Съ курьеромъ пріѣхалъ.

Димитрій (Про себя). Съ письмомъ отъ матушки... Кто бы могъ быть. Не случилось ли чего (обращаясь къ солдату) позови его сюда (подходитъ абхазецъ съ письмомъ, дѣлаетъ привѣтствіе правой рукой по-абхазски).

Явленіе 3.

Тѣ же и абхазецъ урусъ Лакоба.

Лакоба. Я урусъ Лакоба, твой слуга, слуга твоей матери, княгини Тамары и всего твоего дома. А вотъ тебѣ письмо отъ княгини (онъ подаетъ небольшой пакетъ, который держалъ въ рукѣ. Димитрій открываетъ письмо и читаетъ.

Димитрій. Ты знаешь, что въ этомъ письмѣ написано.

Лакоба. Знаю, князь: мнѣ княгиня читала его.

Димитрій. Спасибо другъ урусъ. Ты давно сюда пріѣхалъ.

Лакоба. Вчера, князь, вмѣстѣ съ курьеромъ отъ Генерала Вельяминова къ генералу Ермолову съ бумагами.

Димитрій. Меня еще маленькимъ увезли сюда изъ Абхазіи и я не помню тебя, другъ урусъ.

Лакоба. Да и какъ тебѣ помнить, (князь улыбается). Я—то тебя помню хорошо, хотя изъ ребенка ты сталъ теперь настоящимъ мужчиной, я какъ теперь вижу тебя. Это было въ іюлѣ 1810 года. Русскіе только что взяли Сухумъ утромъ. Асланъ-бей, захвативъ на свое сѣдло красавицу Эсма Ханумъ, съ небольшою горстью приверженцевъ бѣжалъ въ горы. Его молочная сестра красавица Дида съ кинжаломъ въ сердцѣ лежала у входа въ мечеть, а на площади собаки облизывали голое тѣло Ахмеда, молодого сына Кутума, обмазанное кислымъ молокомъ. Смѣхъ да и только. А тутъ подошли вы съ войскомъ. Твой покойный отецъ, Сафаръ-бей, твоя мать княгиня Тамара и ты—

такой крошка—на концѣ. Потомъ твоего отца приводили къ присягѣ, онъ цѣловалъ крестъ и книгу съ золотою крышкой и на него надѣли красную широкую ленту и стрѣляли изъ пушекъ.

Димитрій. (съ волненіемъ): Все это я помню. Сонъ... Матушка страшно плакала и не хотѣла отдавать меня русскимъ и я плакалъ горькими слезами. Но меня отняли и увезли сюда.

Лакоба. Да, князь, я все это видѣлъ и плакалъ вмѣстѣ съ тобою; но ты меня забылъ—ты былъ такой маленькій.

Димитрій. (съ грустью): Часто предо мною встаютъ волшебныя картины моей дорогой Абхазіи съ ея гигантскими горами, съ неумолчнымъ говоромъ горныхъ рѣчекъ и каскадовъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, съ неумолкаемымъ могучимъ плескомъ моря у прибрежныхъ скалъ и съ безпредѣльною далью этого самаго моря, уходящаго за видимый горизонтъ (молчаніе).

Скажи, другъ Урусъ, все также у насъ хорошо, какъ и прежде? То-же голубое небо, тѣ-же горы, то-же море?

Лакоба (съ загадочной улыбкой): Да, князь, все на мѣстѣ и небо на мѣстѣ, и горы на своихъ мѣстахъ, и море все такое же соленое.

Димитрій. А матушка очень постарѣла?

Лакоба. Да, Ваше Сіятельство, княгиня постарѣла.

Димитрій. А братъ Миша выросъ?

Лакоба. Выросъ. Изъ него вышелъ лихой джигитъ; на всемъ скаку ласточку пронизываетъ изъ винтовки.

Димитрій. Ахъ, урусъ, я съ тобой заговорился, а мнѣ надо торопиться. Я долженъ сегодня явиться къ Ермолову, чтобы потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться на аудіенцію къ Императору.

Лакоба. (какъ бы съ испугомъ): Къ самому Императору!?

Димитрій. Да, сегодня мнѣ будетъ объявлено, что я назначаюсь правителемъ Абхазіи и долженъ буду отправиться туда. Ты, дорогой Урусъ, пойди съ моимъ человѣкомъ, побудь у меня пока я ни возвращусь, а потомъ поговоримъ. У меня есть и другая радость, которую ты узнаешь послѣ.

Князь Димитрій уходитъ.

Занавѣсъ закрывается.

Дѣйствіе 2.

Явленіе первое.

Кн. Дмитрій Георгіевичъ Шервашидзе.
Кн. Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ.
Княгиня, супруга П. С. Гагарина.
Княжны Варвара и Катишь Павловна.
Княжичъ Сережа.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ князя Гагарина.

Входитъ кн. Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе въ полной парадной формѣ кавалерійскаго полковника.

Кн. Гагаринъ. Ба, что это за маскарадъ, голубчикъ? (осматривая гостя и пожимая его руку). Въ полной парадной формѣ точно на новый годъ и еще полковникомъ.

Княгиня. Здравствуйте, здравствуйте. Что это съ вами?

Димитрій (торжественно). Сегодня я имѣлъ честь представиться Государю Императору. Ангелоподобный повелитель Россіи и всего Кавказа, благословенный Царь Александръ Павловичъ, принялъ меня, можно сказать, не съ Монаршею, а съ отеческою милостію. Онъ изволилъ сказать, что внимательно слѣдилъ за моимъ воспитаніемъ и отъ всѣхъ наставниковъ моихъ, въ особенности же отъ Василія Андреевича Жуковскаго, слышалъ обо мнѣ одно только хорошее. При этомъ Государь изволилъ сказать, что жалуетъ меня чиномъ полковника и назна-

чаетъ правителемъ Абхазіи на мѣсто покойнаго отца моего, Свѣтлѣйшаго Князя Шервашидзе. Съ этимъ радостнымъ для меня извѣстіемъ я и поспѣшилъ явиться къ вамъ первымъ.

Княжна (горячо пожимая гостю руки). Поздравляемъ, поздравляемъ, дорогой князь съ такою высокою Монаршею Милостью. Такой высокій постъ, правитель цѣлой страны, владѣтельная особа. Отъ души поздравляемъ. Садитесь пожалуйста (гость продолжаетъ стоять).

Димитрій (сильно волнуясь). Да, я счастливъ милостью Государя. Очень счастливъ... Но счастье мое будетъ не полное... простите... я...я долженъ сказать вамъ все... Простите... я давно люблю княжну Варвару Павловну... я пріѣхалъ просить ея руки.

Гагаринъ (съ изумленіемъ). Но она еще дитя, ей только 14 лѣтъ.

Княгиня. Мы сердечно благодаримъ васъ за честь, дорогой князь за великую честь которую вы намъ дѣлаете, но не торопите насъ съ отвѣтомъ. Надо и дѣвочку спросить.

Гагаринъ (со смѣхомъ). Да что ее спрашивать. Она еще тихонько въ куклы играетъ—я самъ видѣлъ. Катишь и то, кажется серьезнѣе ея.

Княгиня (лукаво улыбаясь). Мы еще поторгуемся съ вами, дорогой князь дайте дѣвочкѣ хоть годочекъ еще поиграть въ куклы, а тамъ мы ее спросимъ.

Димитрій (растеряно) Я... простите, глубокоуважаемая княгиня, я... простите... я!

Княгиня (лукаво). Вы согласны подождать, да?

Димитрій. Да... согласенъ... вчера мы...

Княгиня. Катались и весело было.

Димитрій. Да... весело. Мы съ княжной Варварой Павловной...

Княгиня. Ландыши рвали. Такіе милые цвѣточки. Я ихъ очень люблю... Они теперь стоятъ въ дѣтской у Катишь на столикѣ, и у Баси... А незабудокъ не нашли.

Димитрій. Нѣтъ... да, князь Голицынъ нашелъ одну вѣточку стебелекъ незабудокъ, одинъ только... и подарилъ его княжнѣ Варварѣ Павловнѣ.

Сережа (вбѣгая въ гостинную). А Бася взяла и воткнула эти незабудки за ошейникъ Фингалу.

Гагаринъ. Вотъ вамъ невѣста. Презенты любезныхъ кавалеровъ отдаетъ собакѣ—ха-ха-ха.

Сережа (опомнясь). А. такъ это ты, свѣтлый дядя.

Димитрій (ласково). Я, милый Сережа.

Сережа. А я думалъ—чужой генералъ (всѣ смѣются).

Гагаринъ. Такъ у Фингала теперь незабудки ха-ха-ха вотъ такъ невѣста.

Сережа. А Фингалъ все лапой хотѣлъ зацѣпить незабудки, такъ Бася его за ухо потрепала.

Княгиня. А гдѣ же Бася?

Сережа. Она съ Катей спряталась гдѣ то въ саду.

Княгиня. Какъ спряталась отъ кого?

Сережа. Какъ увидала карету, а изъ нея кто то выходитъ въ мундирѣ. Какъ покраснѣетъ Бася и говоритъ: „бѣжимъ, спрячемся, свѣтлый дядя пріѣхалъ". А я говорю нѣтъ, это не свѣтлый дядя—только какой смѣшной.

Князь и Княгиня (смѣются).

Княгиня (стараясь не смѣяться). Глупый мальчикъ. Гдѣ же сестры.

Сережа. Не знаю, мамочка,—спрятались въ кустахъ и Фингалка съ ними; ужъ я искалъ, искалъ—нѣтъ ихъ. А ты зачѣмъ это пріѣхалъ въ каретѣ. Развѣ ты генералъ. Тебя теперь и Фингалъ, пожалуй, не узналъ бы и сталъ бы на тебя лаять. Вонъ и Бася съ Катей испугались тебя и убѣжали. А я тебя не боюсь. Ты научишь меня верхомъ ѣздить, да?

Княгиня. Не приставай же такъ какъ къ Димитрію Георгіевичу.

Гагаринъ. Ай да невѣста—въ кусты спрятались. А куколъ они съ собой не взяли, Сережа?

Княгиня. Надѣюсь, вы у насъ обѣдаете? Тѣмъ временемъ и проказницы явятся: обѣдать то они придутъ. Имѣете-ли вы какія нибудь новыя свѣдѣнія изъ Абхазіи.

Димитрій. Да, княгиня, вчера былъ посланецъ отъ Маманъ съ ея письмомъ.

Княгиня. Что же вамъ пишетъ Маманъ?

Гагаринъ. А дядюшка Асланъ-бей все еще разбойничаетъ тамъ у васъ?

Сережа (подбѣгая къ окну). А, смотри, смотри.

Княгиня. Что тамъ такое, несносный шалунъ.

Сережа. Тамъ Бася и Катя тихонько крадутся, чтобы спрятаться у себя на верху (княгиня улыбаясь подходитъ къ окну).

Княгиня. Ахъ, повѣсы (Сережа исчезаетъ изъ комнаты).

Гагаринъ (тоже, смѣясь, подходитъ къ окну). Иди въ гостинную, стрекоза, да захвати свои куклы.

Княжна --Варя. Я въ куклы не играю, папа.

Гагаринъ. Ладно Ну иди безъ куколъ, видишь: мать зоветъ (обращаясь къ князю): Посмотримъ, какъ она приметъ ваше предложеніе, грозный повелитель Абхазіи. (подходя къ нему): Извините, можетъ быть, теперь васъ надо величать „Ваше Высочество".

Димитрій. Не знаю, князь.

Княгиня. Только ты, пожалуйста, не смѣйся надъ Басей, не слушай ея.

Сережа (влѣтая въ комнату): Ахъ, какія хитрыя (мать строго смотритъ на него)!..

Гагаринъ (лукаво улыбаясь): Что такое? Кто тамъ хитритъ?

Сережа. Бася и Катя... онѣ тамъ у зеркала какіе то бантики примѣряютъ, а меня прогнали и заперлись, даже Фингалу хвостъ прищемили. Такія хитрячки.

(Входитъ княжна Варя).

Княжна (обращаясь къ кн. Шервашидзе): Какой вы сегодня важный. Сережа говоритъ, что вы генералъ?!.

Княгиня (Торжественно): Сегодня князь Димитрій Георгіевичъ имѣлъ счастіе представиться Государю Императору и Его Величество изволилъ назначить князя правителемъ Абхазіи и пожаловалъ ему чинъ полковника. Поздравь князя.

Княжна (чуть слышно): Поздравляю васъ, князь.

Княгиня (еще болѣе торжественно). А теперь князь Димитрій Георгіевичъ дѣлаетъ намъ честь—проситъ твоей руки.

Димитрій (дѣлая шагъ впередъ, робко): Варвара Павловна могу ли я надѣяться... (Варя плачетъ, уткнувшись въ плечо матери).

Гагаринъ (насмѣшливо). Вотъ тебѣ на. Я такъ и зналъ... слезы... куклы... те-те-те.

Княгиня. Варя, о чемъ же ты плачешь? Никто тебя не принуждаетъ. Мы сами говорили Димитрію Георгіевичу, что ты еще ребенокъ... (Княгиня гладитъ головку дочери). Ну-ну, оставимъ это.—Полно, мое дѣтя. Не желаешь?—Ну, Димитрій Георгіевичъ извинитъ насъ... Что дѣлать:—молоды...

Варя (захлебываясь слезами). Я... я, мама, я...

Княгиня. Ну полно же, полно. Не желаешь и баста, глупенькая.

Варя. Я, мама... я... я желаю...

Гагаринъ. Вотъ такъ чудеса. И не хочу:—слезы, и хочу:—слезы. Поди, разбери ихъ. Вотъ тебѣ и куклы... ха-ха-ха. (входитъ младшая сестра Вари).

Гагаринъ (хватая за руку): Катокъ! Чего добраго и тебя сейчасъ высватаютъ... Ахъ вы коварное племя.

Княгиня (строго): Такая торжественная минута, а ты дурачишься.

Гагаринъ. Да что же, матушка, когда я остался въ дуракахъ. (Опуская Катю на полъ, обращается къ Варѣ). Садитесь, Ваше Высочество.

Варя. Ахъ, папа, ты всегда такой.

Гагаринъ. Да, Ваше Высочество, я всегда такой... ха-ха-ха.

Княгиня. Гдѣ же теперь ваша матушка, Димитрій Георгіевичъ?

Димитрій. Матушка теперь въ Сухумѣ.

Княгиня. Она тамъ постоянно живетъ?

Димитрій. Не всегда, княгиня; у насъ есть дворецъ въ Соукъ-Су, недалеко отъ Сухума, Матушка иногда и тамъ живетъ.

Катя. А шахъ отъ васъ близко?

Димитрій (съ удивленіемъ): Какой шахъ?

Катя. Ну какой-нибудь... который ближе.

Димитрій. Персидскій шахъ живетъ въ Тегеранѣ.

Гагаринъ (смѣясь): Да ты что, стрекоза? Ужъ ни за мужъ ли за шаха собираешься?

Катя. Разумѣется, я не выйду за какого нибудь офицера или генерала. Я хочу, чтобы и у меня дворецъ былъ.

Гагаринъ. Те-те-те, вонъ она куда гнетъ. Такъ ужъ проси Его Высочество, чтобы онъ тебя сосваталъ за шаха.

(Всѣ весело смѣются).

Княгиня. Такъ вамъ Государь не назначилъ срока отправленія въ Абхазію?

Димитрій. Нѣтъ. Государь не говорилъ объ этомъ; но Алексѣй Петровичъ Ермоловъ сказалъ мнѣ, что надо поспѣшить отъѣздомъ, чтобъ на мѣстѣ, въ Сухумѣ или Соукъ-Су всенародно, предъ собраніемъ всѣхъ князей и дворянъ Абхазіи, торжественно принять присягу за себя и за мой народъ...

Княгиня. Но можете ли вы лично присягать и ручаться за вѣрность князей, дорогой Димитрій Георгіевичъ?

Димитрій. Я заручусь аманатами отъ каждаго—возьму отъ нихъ дѣтей, какъ меня сюда взяли... Я только тогда и явлюсь сюда за драгоцѣнной наградой (онъ взглядываетъ на княжну Варю), когда прочно обставлю свое положеніе.

Гагаринъ. И отлично (улыбается). А до того времени „драгоцѣнная награда“ можетъ быть и выростетъ изъ коротенькаго платьица. Повелительница Абхазіи и „своего народа“, а у самой ноги видны изъ подъ платья.

Варя. Ахъ, папа, ты опять.

Гагаринъ. Что же и опять—развѣ я неправду говорю.

Сережа. Такъ ты за Варей пріѣдешь, развѣ она твоя жена?

Димитрій. Буду надѣяться и молиться Богу, чтобъ такъ было.

Сережа. А кто же я тебѣ тогда буду.

Димитрій. Братъ, и я тебѣ братъ.

Сережа. Такой большой... Ну, я черезъ годъ выросту.

Димитрій. Да, раньше года дружокъ и я не могу вернуться сюда (обращаясь къ Гагарину) Ермоловъ говоритъ, что для того, чтобы навсегда упрочить мое положеніе въ Абхазіи, нужно обезпечить ея границы и съ юга, и съ сѣвера; съ юга—отъ вторженія турокъ, а съ сѣвера—отъ вторженія кубанскихъ горцевъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ мы не успѣемъ этого сдѣлать безъ помощи русской эскадры, а эскадру изъ Крыма не могутъ отправить раньше осени. Осенью же Черное море, какъ и всю зиму и весну, бываетъ очень бурно. И придется ждать до будущаго лѣта...

Катя (обращаясь къ сестрѣ). А тогда тебѣ будетъ шестнадцатый годъ, а мнѣ будетъ почти тринадцатый.

Гагаринъ (смѣясь) То-то что почти, экая жалость почти тринадцатый... А тебя, стрекоза, слѣдовало бы „почти“ посѣчь за то, что ты вчера на моемъ письменномъ столѣ, на новомъ почти сукнѣ, сдѣлала чернильную кляксу.

Катя. Это не я, папа.

Гагаринъ. Какъ не ты, Не я же.

Катя. Нѣтъ, папочка, это твоя „Василиса“.

Гагаринъ. „Василиса“? Развѣ кошка умѣетъ писать.

Катя. Нѣтъ, папа, писала я, а „Василиса“ все мурлыкала на столѣ и терлась объ мою руку. Я обмакнула перо въ чернильницу и только что хотѣла писать, какъ „Василиса“ и подтолкнула меня подъ локоть, отчего сама по себѣ и сдѣлалась клякса.

(Князь Дмитрій Георгіевичъ встаетъ, подходитъ къ княгинѣ и цѣлуетъ ей руку).

Княгиня. Что же милый и дорогой князь Димитрій Георгіевичъ, подождите обѣдать?

Кн. Димитрій Георгіевичъ. Благодарю Васъ, княгиня, спѣшу: гость у меня, (прощается со всѣми и уходитъ).

Кн. Гагаринъ (вслѣдъ Димитрію). Вы, конечно передъ отъѣздомъ зайдете.

Кн. Димитрій Георгіевичъ. Зайду, Ваше Сіятельство. (уходитъ).

Занавѣсъ опускается.

Дѣйствіе 3-е.

Явленіе первое.

Княгиня Варвара и Катишь.

Князь Голицынъ.

Княжичъ Сережа.

Докторъ кн. Гагариныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Кисловодскѣ на „Красныхъ камняхъ“.

Варя (шопотомъ): Господи, какъ хорошо. Я даже вообразить себѣ не могла ничего подобнаго въ Петербургѣ о Кавказѣ.

Докторъ. Да это еще и не Кавказъ, княжна, это только предверіе Кавказа.

Варя. Не знаю, докторъ. Но посмотрите, какая даль, какой просторъ. А эти пропасти, тамъ между скалъ-вотъ эта... прямо, которая теряется среди ущелій, или вонъ эта—влѣво... Въ нихъ есть что то таинственное.

Докторъ. Онѣ называются здѣсь просто балками: вотъ эта, что противъ насъ—Березовая балка; вотъ та лѣвѣе—Кабарнинская, еще лѣвѣе—Ольховая. А тамъ, за Подкумкомъ, видите сѣрые уступы? Тамъ, нѣсколько ниже, Кольцо-гора.

Варя. Ахъ, да, мнѣ ее, дорогой, показывали издали. Что же это, Георгій Ивановичъ, за „Замокъ Коварства и любви“?

Докторъ. Это просто живописная необыкновенно причудливая скала, совершенно напоминающая своею формою грозный замокъ.

Варя. А почему же ее называютъ „Замкомъ коварства и любви“?

Докторъ. Съ этой скалой связано преданіе, судя по кото-

рому слѣдовало бы этотъ мнимый замокъ называть „Замкомъ любви и трусости“.—Извините, женской или же скорѣе—„женскаго благоразумія“. Извольте видѣть: разсказываютъ, что давно когда то, въ самомъ началѣ владычества русскихъ въ этой мѣстности, судьба свела здѣсь двухъ любящихъ—прекраснаго кавалера и еще болѣе прекрасную дѣвицу.

Сережа (шопотомъ): Сядемте ближе. Георгій Ивановичъ сказку разсказываетъ.

Катя (шопотомъ): Вовсе не сказку, а исторію.

Докторъ. Любовь сихъ двухъ прекрасныхъ существъ была очень нѣжна и трогательна, только къ несчастію соединиться любящимъ сердцамъ было никакъ невозможно. Онъ былъ слишкомъ бѣденъ и незнатенъ и родители ея были противъ брака, потому что были очень богаты и очень знатны, или же она была бѣдная, простая дѣвушка, а онъ былъ и богатъ, и знатенъ и его родители не соглашались на неравный бракъ,—не знаю.

Только влюбленные страдали жестоко, какъ только могутъ страдать несчастно влюбленные и, не предвидя конца своимъ страданіямъ, порѣшили лучше умереть вмѣстѣ и соединиться за гробомъ, чѣмъ разстаться здѣсь, на землѣ...

Сережа. Вотъ дураки. Стоитъ изъ за этого... изъ за какой нибудь дѣвочки.

(Докторъ, не слушая, продолжаетъ свой разсказъ).

Докторъ. Сіи несчастные влюбленные въ одно прекрасное утро вышли тайно изъ Кисловодска и войдя той горой (показываетъ пальцемъ), что за цитаделью, сойдясь, отправились вдоль Орѣховой балки къ прежде намѣченной ими тамъ фантастической скалѣ. Достигнувъ благополучно скалы, они взобрались на самую ея вершину. Надо полагать, что барышня очень искусно умѣла лазить по скаламъ, ибо взобраться на верхушку той скалы не всякій то мужчина рѣшится. Какъ бы то ни было, но наши влюбленные взобрались. Тамъ они въ послѣдній разъ обнялись и поклялись въ вѣчной вѣрности до гроба. По условію они должны были разомъ, держась за руки, броситься въ пропасть и разбиться въ дребезги. И они взялись за руку и ринулись... Только случилось какъ-то такъ, что ручка барышни выскользнула изъ рукъ кавалера и кавалеръ одинъ стремглавъ полетѣлъ въ бездну и разбился, превратившись въ безформенную массу, а барышня осталась наверху цѣлехонькой.

Сережа. Дрянь дѣвочка, струсила!

Докторъ. Съ тѣхъ поръ эту скалу и назвали „Замкомъ коварства и любви.“

Голицынъ (иронически). А кто все это видѣлъ?

Докторъ. Солдатъ, конечно, проходившій мимо, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ разсказахъ. А вонъ съ продолговатой горы въ родѣ огромнаго порога (обращаясь лицомъ къ востоку, указываетъ рукой) съ той горы, виденъ и Эльбрусъ и весь хребетъ, изъ за котораго иногда налетаютъ черкесы.

Варя. Абхазцы съ Асланъ-беемъ (встрепенулась)?

Докторъ. Да, абхазцы, княжна. Но вамъ нечего бояться: въ Кисловодскѣ есть чѣмъ дать имъ отпоръ.

Варя. Ахъ, какъ бы я хотѣла видѣть хребетъ съ той горы. Какъ ее зовутъ, докторъ?

Докторъ. Елизаветинская гора. Я нѣсколько разъ сопровождалъ на эту гору поэта Пушкина и его друга Раевскаго. Какой очаровательный этотъ Пушкинъ.

Варя. Съ Александромъ Сергѣевичемъ я знакома была въ Петербургѣ, онъ такой славный.

Докторъ. И вообразите, княжна: когда мы были на Елизаветинской горѣ, онъ все утверждалъ, что слышитъ стоны Прометея и видитъ его прикованнымъ къ вершинѣ горы...

Даже гору показывалъ и назвалъ ее Прометеевой... Говоритъ, что у абхазцевъ течетъ буйная кровь Прометея. Такъ и говорилъ, бывало: „Поѣдемте на Елизаветинскую гору слушать стоны Прометея и смотрѣть на Абхазію“.

Варя (капризно): И я хочу посмотрѣть на Абхазію, докторъ.

Катя и Сережа (разомъ): И я; и я...

Сережа. Вѣдь тамъ свѣтлый дядя живетъ?

Голицынъ (насмѣшливо): А посмотрите внизъ: тамъ ѣдутъ абхазцы.

Варя. Князь, дайте мнѣ, пожалуйста, вашу трубу (князь снимаетъ зрительную трубу, висящую у него черезъ плечо. Варя наводитъ и вдругъ блѣднѣетъ, руки ея дрожатъ).

Докторъ. Что съ вами, княжна? Вы въ самомъ дѣлѣ испугались? (Варя не сразу отвѣчаетъ и возвращаетъ трубу).

Варя (взволнованно): Пойдемте скорѣй... Это князь Шервашидзе... Я узнала его. Пойдемте встрѣтимъ его.

Катя и Сережа (вмѣстѣ радостно): Свѣтлый дядя! Свѣтлый дядя!..

Сережа. Свѣтлый дядя пріѣхалъ.

Катя. Владѣтель Абхазіи—Абхазскій Царь (вертится и прыгаетъ).

Сережа. Онъ мой, онъ училъ меня верхомъ ѣздить.

Катя. Нѣтъ мой, онъ называлъ меня: „моя маленькая фея".

Явленіе второе.

Тѣ же и Димитрій съ братомъ. Князь Гагаринъ и княжна.

Димитрій (радостно). Сережа, Катя. Екатерина Павловна! (Горячо обнимаетъ и цѣлуетъ Сережу. Цѣлуетъ руку у Кати). Какъ я радъ. Какъ вы выросли. А гдѣ же ваши?

Катя. Вонъ Варя. А мама и папа въ паркѣ (Димитрій, быстро подходитъ къ Варварѣ Павловнѣ).

Варя. Я думала, что вы раньше пріѣдете.

Димитрій. Мѣшали дѣла. (Здоровается съ кн. Голицынымъ).

Варя. Позвольте васъ познакомить: докторъ Георгій Ивановичъ Черненко, кн. Димитрій Георгіевичъ Шервашидзе. Князь! съ вами кажется братъ?

Димитрій (обращаясь къ далеко стоящему брату): Миша... съ тобой желаютъ... я долженъ тебя представить княжнѣ... (Миша знакомится)

Сережа. А вотъ и мама! (Бѣжитъ къ ней и тащитъ за руку, за ними слѣдуетъ Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ). Свѣтлый дядя пріѣхалъ.

Княгиня. (Ласково, съ материнской нѣжностью): Какъ вы похудѣли, дорогой князь (князь цѣлуетъ ея руку). Не были-ли вы больны?

Димитрій. Нѣтъ, уважаемая княгиня. Я не былъ боленъ!

Гагаринъ. Тяжела шапка мономаха (улыбаясь крѣпко пожимаетъ руку Димитрію)...

Катя. Мама, позволь представить тебѣ князя Михаила Георгіевича (Миша цѣлуетъ руку княгинѣ).

Княгиня. Очень рада, очень рада. Такой молоденькій и уже съ Георгіемъ!

Димитрій. За подвиги противъ родного дяди.

Княгиня. Противъ Асланъ-бея? Какъ это мило защищать интересы брата и законнаго владѣльца страны. Я бы желала, чтобы мой сынъ былъ такимъ.

Сережа. И я буду такимъ (всѣ смѣются).

Катя. Въ какомъ дѣлѣ вы получили, князь?

Миша. Въ дѣлѣ съ черкесами у аула Схаби, гдѣ мы штурмомъ взяли завалы.

Сережа. И вы сражались и убили черкеса?

Миша. Да...

Сережа. Одного?

Миша. Нѣтъ! Троихъ, а говорятъ даже пятерыхъ... Я самъ съ горяча не замѣтилъ.

Сережа. Ахъ, какой вы герой и я буду такимъ, когда выросту.

Княгиня. Пора, господа, домой. (Обращаясь къ Димитрію Георгіевичу): Прошу васъ, князь, пожаловать къ намъ.

Димитрій. Благодарю васъ, княгиня, насъ ждутъ проводники, мы съ дороги должны отдохнуть (Всѣ расходятся).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе 4-е.

Явленіе первое.

Князь Димитрій Шервашидзе, его братъ Миша и докторъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Кисловодскѣ, въ паркѣ. Сидятъ въ тѣни на скамьѣ.

Недалеко отъ нихъ за деревьями сидитъ Голицынъ съ однимъ офицеромъ.

Офицеръ. Что же ты такъ скоро покидаешь этотъ рай для пыльнаго Тифлиса?

Голицынъ. Надоѣло.

Офицеръ. А твои пери?

Голицынъ. Гагарина? О, я раскусилъ эту хитрую дѣвочку. Она поймала на свой арканъ владѣтельнаго жеребца.

Офицеръ. Это кого?

Голицынъ. Да этого Стервашидзе.

Офицеръ. Ха-ха-ха: Стервашидзе.

Голицынъ. Она его и въ Петербургѣ ловила.

Димитрій (быстро подходитъ къ Голицыну, рѣзко): Вы подлецъ.

Голицынъ (вскакиваетъ, обнажаетъ саблю и намѣревается ударить кн. Шервашидзе).

Миша. (Выхватываетъ кинжалъ и бросается на Голицына. Между ними становится докторъ).

Докторъ. Господа, для благородныхъ людей есть судъ чести, покоритесь ему.

Димитрій. Я подчиняюсь суду чести (кланяется Голицыну). Прошу васъ, докторъ, сдѣлать мнѣ честь быть моимъ посредникомъ въ переговорахъ по предстоящему дѣлу.

Голицынъ (кланяясь въ свою очередь). Моимъ секундантомъ

не откажется быть мой другъ, господинъ Шилковъ.

Шилковъ. Благодарю за довѣріе.

Миша въ (изступленіи): Къ чему глупая дуэль? Это не на балу! это не лезгинка! Я его просто зарѣжу, какъ овцу (бросается на Голицына, но докторъ удерживаетъ его).

Димитрій (беретъ за руку своего брата).

Голицынъ (отходитъ въ глубь парка).

Докторъ. Одно условіе, господа: Вы сдѣлали намъ съ господиномъ Шилковымъ честь, избравъ насъ посредниками въ вашемъ дѣлѣ, и потому вы должны будете безпрекословно подчиниться рѣшенію, которое мы постановимъ, относительно признанія оскорбленія, такъ равно относительно выбора оружія и дистанціи поединка.

Димитрій. Я вполнѣ подчиняюсь (Голицынъ молча кланяется. Уходятъ).

Явленіе третье.

Докторъ и Шилковъ.

Докторъ. Кого признать обиженной стороной?

Шилковъ (Встаетъ): Я полагаю, господинъ докторъ, что на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ взглядовъ. Обидѣть можно только слабѣйшаго или низшаго, а оскорбить можно и равнаго, и высшаго. Въ данномъ случаѣ я утверждаю, что оскорбленная сторона—мой довѣритель.

Докторъ (мягко): Позвольте, молодой человѣкъ. Есть классическое изреченіе, на которомъ зиждется множество очень дикихъ заключеній. Это: post hoc, ergo—propter hoc, послѣ этого значитъ, вслѣдствіе этого. Вы ѣдете на охоту: зайчикъ перебѣгаетъ вамъ дорогу. На охотѣ вы, случайно, не убиваете и вашъ кучеръ дѣлаетъ заключеніе: „это оттого, что заяцъ перебѣжалъ вамъ дорогу". Кошка умывалась, а вслѣдъ затѣмъ—пріѣхали гости. Баба заключаетъ: „Кошка умывалась къ гостямъ". Но въ нашемъ дѣлѣ это классическое изреченіе—сама кошка. Вашъ довѣритель выражается оскорбительно для чести милой, благородной, идеальной дѣвушки и еще грубѣе и оскорбительнѣе—для чести моего благороднаго довѣрителя. Послѣдній не выноситъ двоякаго оскорбленія и протестуетъ рѣзкимъ словомъ.

Въ вашемъ довѣрителѣ:—онъ и есть оскорбившая сторона; мой же довѣритель—сторона оскорбленная.

Шилковъ. Но оскорбительныя выраженія высказаны были за-глазно: Вашъ довѣритель могъ ихъ и не слыхать, мало что говорится за глаза.

Докторъ. Къ несчастью онъ ихъ слышалъ.

Шилковъ. Да, онъ въ лицо бросилъ оскорбленіе...

Докторъ. Извините, молодой человѣкъ,—это былъ только отвѣтъ.

Шилковъ. А я, господинъ докторъ, считаю это уже вызовомъ—вторая стадія дѣла, а съ нею сопряжено преимущество для моего довѣрителя.

Докторъ. Вы разумѣете, что на его сторонѣ право выбирать оружіе поединка и что ему принадлежитъ первый ударъ или выстрѣлъ?

Шилковъ. Да, господинъ докторъ. Согласитесь—это не малое преимущество: тутъ лишній шансъ выиграть ставку на жизнь или на смерть.

Докторъ. Вотъ потому то, молодой человѣкъ, когда мнѣ довѣрено отстаивать жизнь моего довѣрителя, я не могу уступить вамъ этого права. Помилуйте! Сидимъ мы и мирно бесѣдуемъ. Вдругъ изъ-за кустовъ словно двѣ пощечины или два выстрѣла... За что? Чѣмъ провинился мой довѣритель? Тѣмъ, что благородная дѣвочка предпочла его вашему? И чѣмъ виновата тутъ милая дѣвочка, послѣдовавшая влеченію своего сердца?

Шилковъ. Такъ вы стоите на своемъ, господинъ докторъ?

Докторъ. Стою, молодой человѣкъ... И готовъ обратиться къ третейскому суду.

Шилковъ. Но тогда будетъ разоблачена тайна поединка.

Докторъ. Нисколько-съ. Мы изберемъ лицо, на которое можно вполнѣ положиться.

Шилковъ. Но имена?.. Имя моего довѣрителя? Имя дѣвушки?..

Докторъ. И тутъ-съ абсолютные анонимы: игрекъ, не подозрѣвая присутствія икса, отозвался оскорбительно о зетѣ и иксѣ, который это слышитъ и въ лицо игреку бросаетъ позорящій эпитетъ. Кто началъ? Кто заварилъ кашу? У третейскаго судьи прямой отвѣтъ: кашу заварилъ г. игрекъ:—онъ пусть и расхлебываетъ ее.

Шилковъ. Но я не могу, господинъ докторъ, съ этимъ съ-

шеніемъ явиться къ моему довѣрителю.

Докторъ. Хорошо, молодой человѣкъ: вашъ довѣритель не признаетъ за собою первенства оскорбленія, тѣмъ хуже для него. Оскорбителемъ является мой довѣритель. Вашъ довѣритель, оскорбленный, вызываетъ. Отсюда же, по правиламъ поединка, вытекаетъ, что онъ отдаетъ право перваго удара или перваго выстрѣла вызванному, т. е. моему довѣрителю. (Шилковъ встаетъ и въ нетерпѣніи ходитъ взадъ и впередъ, потомъ останавливается).

Шилковъ. Нечего дѣлать... довѣримъ жизнь нашихъ довѣрителей жребію. На мѣстѣ поединка мы бросимъ жребій: кому первому стрѣлять...

Докторъ. Я согласенъ на жребій и на пистолеты. Дистанція будетъ 20 шаговъ... Если вы согласны(?)..

Шилковъ. Я согласенъ.

Докторъ. Ну, мы теперь сообщимъ нашимъ довѣрителямъ.

(Встаютъ и уходятъ, потомъ возвращаются со своими довѣрителями и Мишей. Докторъ выбираетъ ровное мѣсто для дуэли).

Явленіе четвертое.

Кн. Димитрій Георгіевичъ. кн. Голицынъ, докторъ, Шилковъ и Миша.

Докторъ. Вотъ ровное мѣсто.

Шилковъ. Отлично... Тутъ тѣнь: солнце не будетъ мѣшать... (Начинаетъ отмѣривать дистанцію шагами).

Голицынъ. Не ты, не ты. У тебя журавлиныя ноги и, чертъ знаетъ, сколько отмѣришь—до самаго Эльбруса... Пусть мѣритъ господинъ докторъ: у него шажки маленькіе... Ближе другъ къ другу будемъ. Я хочу ближе видѣть, какъ подъ дуломъ моего пистолета потемнѣетъ лицо его свѣтлости. (Миша выхватываетъ кинжалъ съ намѣреніемъ наброситься на Голицына, но братъ останавливаетъ его).

Докторъ (мѣритъ): Разъ, два, три, четыре... двадцать. Вотъ —у этого камня. (Докторъ передаетъ пистолетъ Шилкову). Извольте заряжать. (Шилковъ вынимаетъ изъ своего кармана патроны, заряжаетъ и кладетъ на камень). Теперь жребій! (Вынимаетъ изъ кармана блестящій червонецъ).

Шилковъ. Ты что выбираешь? Орла или рѣшетку?

Голицынъ. Орелъ. (Шилковъ бросаетъ въ воздухъ червонецъ. Монета, повертѣвшись въ воздухѣ, падаетъ на землю).

Шилковъ (торжественно): Орелъ. (Докторъ нагибается, чтобы удостовѣриться).

Докторъ (тихо): Вашъ выстрѣлъ.

Противники становятся на свои мѣста. Голицынъ начинаетъ медленно поднимать пистолетъ. Кн. Димитрій стоитъ спокойно. Голицынъ доводитъ дуло пистолета до сердца и останавливаетъ; потомъ поднимаетъ еще выше и останавливаетъ на лбу. Раздается выстрѣлъ. Во все это время Миша стоитъ готовый. Послѣ выстрѣла онъ опять бросается, но братъ останавливаетъ.

Димитрій (спокойно): Промахъ: рука дрогнула.

Миша. Ой-ой-ой. Вотъ такъ выстрѣлъ, вотъ такъ ловко.

Димитрій. Да перестань же ты, мальчишка.

Миша. Ой-ой-ой, не буду, не сердись...

Димитрій. Князь! Я зналъ васъ, какъ благороднаго человѣка и всегда уважалъ васъ. Я и теперь не отнимаю у васъ моего уваженія... Я не требую, чтобы вы извинились предо мною въ неосторожно сказанныхъ словахъ. Я ихъ охотно прощаю. Въ васъ говорило оскорбленное самолюбіе, хотя никто его не оскорблялъ. Но вы провинились предъ чистой дѣвушкой, предъ лучшею въ мірѣ женщиною...

Голицынъ. Довольно! Я не желаю ни вашихъ похвалъ, ни вашихъ наставленій.

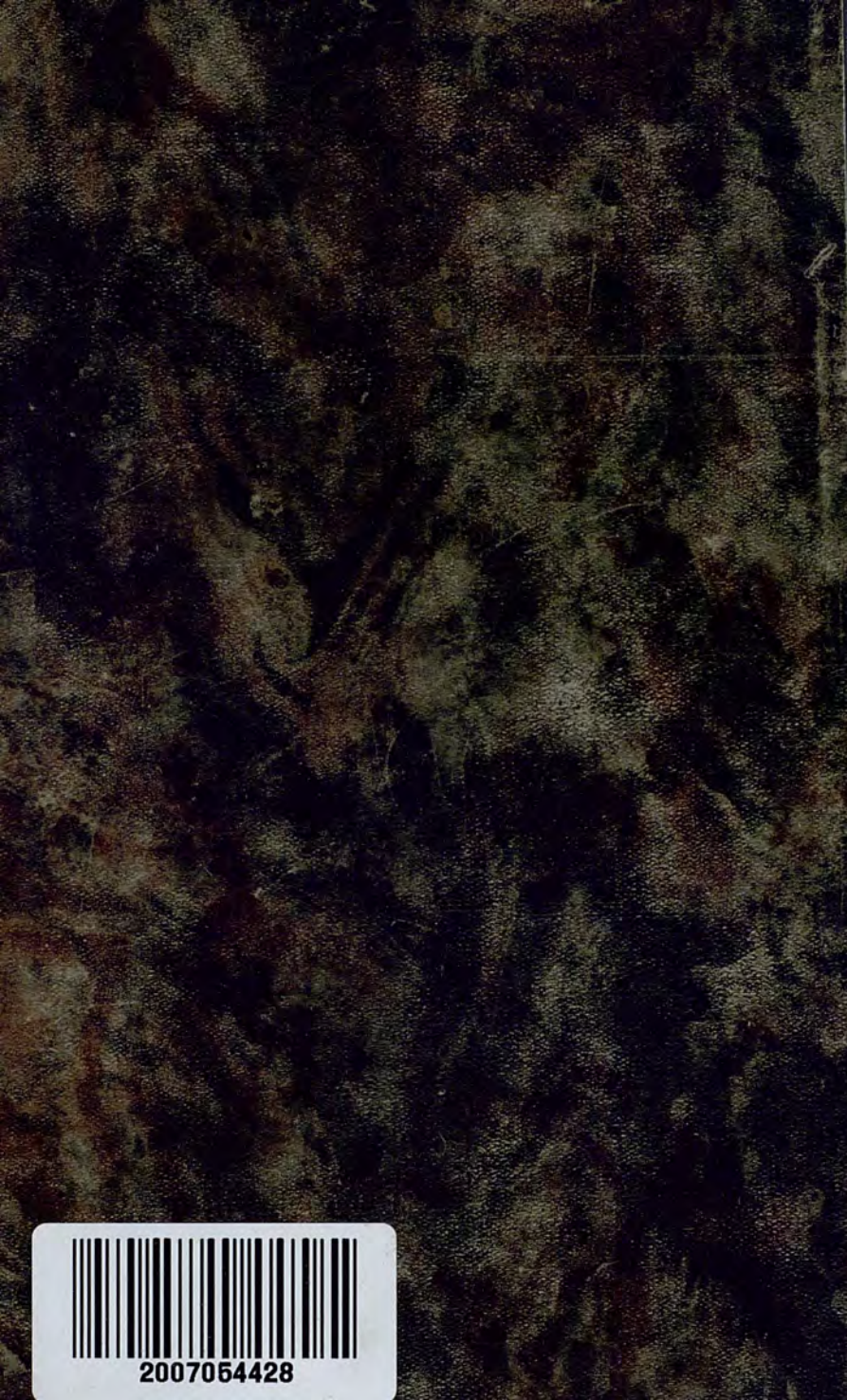
Димитрій. Такъ вотъ за это я обязанъ васъ наказать. (Онъ беретъ въ лѣвую руку, висѣвшій у него на шнурѣ пистолетъ, взводитъ курокъ и останавливается. Въ правой рукѣ онъ держитъ тотъ пистолетъ, изъ котораго долженъ стрѣлять). Смотрите. (Онъ стрѣляетъ въ пролетавшую мимо ласточку. Ласточка падаетъ мертвой). Видите? Я могу застрѣлить васъ, какъ эту бѣдную ласточку. Но не хочу этого.— Я пощажу вамъ жизнь...

Голицынъ. Стрѣляйте, чортъ васъ возьми.

Димитрій. Хорошо, сей-часъ... Я только выстрѣлю въ васъ такъ, чтобы вы уже никогда не могли танцовать, а въ особенности съ моей невѣстой, княжной Гагариной. (Стрѣляетъ. Голицынъ падаетъ пораженный въ ногу. Подбѣгаетъ докторъ и Шилковъ).

(Занавѣсъ).

164


2007054428